

A man and a woman are in a lush garden. The woman is sitting on the grass, looking up at the man. The man is standing, looking down at her. There are spiders in the scene: one on a web in the upper left, one on the ground near the man's feet, and another on a web in the lower right. The background is a dense garden with a pond and trees.

Ирина Смирнова
Джейд Дэвлин
Carbon

Одуванчик
в тёмном саду

Джейд Дэвлин
Ирина Смирнова
Одуванчик в тёмном саду

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69522370

Аннотация

Ехала повидать внуков, а очнулась в другом мире? С моим жизненным опытом и в молодое тело? Это же просто рай! Кормят, поят, комнату выделили... ну и пусть в гареме! Умная и красивая женщина с любым мужчиной сможет договориться, сколько бы у него ног ни было.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4 (второй день)	43
Глава 5	56
Глава 6 (третий день)	73
Глава 7 (...по девятый день)	88
Глава 8 – Виланд	108
Глава 9 (9 день)	121
Глава 10 (9-12 день)	133
Глава 11 – Виланд	148
Глава 12 (12 день)	167
Конец ознакомительного фрагмента.	180

**Джейд Дэвлин,
Ирина Смирнова
Одуванчик в темном саду**

*** * ***

Глава 1

Я посмотрела на часы и подавила острый приступ раздражения. Муж опаздывал уже на полчаса, я замерзла, промочила правый сапог, и поясница разнылась совсем некстати.

Чтобы я еще раз доверила ему встречать меня после урока в час пик! Не хотела же, но супруг уговорил, ссылаясь на мерзкую осеннюю погоду и мой ревматизм. К тому же я соблазнилась на возможность по пути заглянуть к дочери, провести их с внуками. Терпеть не могу сидеть в пробках, на общественном транспорте добираться быстрее, но тут не устояла.

Ей-богу, лучше бы сразу пошла к метро, а не торчала под козырьком остановки. Решено: визит к дочери подождет до выходных, ноги уже все равно мокрые, так что пятнадцать минут неспешной прогулки ничего не изменят.

Я набрала номер мужа и двинулась по пешеходному переходу на другую сторону улицы, когда по глазам вдруг ударил яркий свет. Последним, что я услышала, был дикий визг тормозов.

Обрывки мыслей плавали в темноте. Так бывает, когда ты только проснулся, еще не открыл глаза и не начал новый день.

В среду у меня три часа вокала со способной девочкой из Щепкинского...

Не забыть бы сказать мужу, чтобы снял шторы в спальне, давно пора постирать...

Аринка не успевает по английскому, надо поспрашивать у коллег насчет хорошего репетитора...

Сын давно не звонил, как он там?..

Интересно, почему так холодно, опять Лешка стянул оде-
яло и превратил его в кокон?

Я открыла глаза и резко, захлебываясь, вдохнула ледяной
воздух вместе с выплеснутой в лицо водой. Закашлялась,
хватаясь руками за горло, и попыталась сесть.

Что это? Совсем не похоже на нашу привычную уютную
спальню в бежевых тонах, и я вовсе не на своей кровати, а
на каменном полу, мокрая, окоченевшая и трясущаяся...

– Очнулась? – Голос ледяной, как та вода, которой обли-
ли.

Я заморгала и прищурилась от бьющего в глаза света, едва
различая склонившуюся надо мной высокую тонкую фигуру
в каком-то балахоне. Господи, что за дурдом?!

Некто тем временем, не дождавшись моего ответа, рез-
ко встряхнул меня за плечи, а потом влепил несильную, но
звонкую пощечину, раз, другой... замахнулся и в третий, но
я перехватила летящую в лицо руку. Хватит!

В глазах, однако, чуть прояснилось, и я разглядела, что
фигура в балахоне – высокая светловолосая женщина, очень
красивая, но очень недовольная. Незнакомка вырвала руку,
выпрямилась и теперь смотрела на меня сверху вниз как на

раздавленную козявку – безразлично, но с некоторыми нотками презрительной жалости.

– Тебе не позволено умереть! Свет отвергнет тебя как не исполнившую свой долг перед народом Ильриллиона! Вставай сейчас же!

– Что за чушь вы несете? – вырвалось у меня непроизвольно. Вставать я и не подумала, хотя сидеть с каждой секундой становилось все холоднее и жестче.

– Фиондэль, вы уверены, что она в своем уме? – обратилась женщина к кому-то, с брезгливой жалостью посматривая на меня. Так могут смотреть на больное животное, но никак не на человека! – Диндэниэль, конечно, всегда была глуповатой, но послушной. И внезапно такая позорная выходка. Не ожидала от этой девчонки ничего подобного.

Странно, кого это они обсуждают? Явно не меня, я уже и забыла, когда девчонкой была...

– У леди случилась истерика сразу после того, как она узнала... – О, тут еще кто-то есть? Какой необычный сон...

– Еще бы! – стервозно фыркнула блондинка. – Любая будет в ужасе от такой судьбы. Пополнить гарем этого монстра! – Ее явственно передернуло.

А голос стал еще противнее, когда она продолжила вещать явно в расчете на мою совесть:

– Однако достойные дочери высоких домов, да еще из такой захудалой ветви, должны быть послушны своим владыкам! А эта мерзавка посмела принять яд! Как раз накануне

церемонии! Ее возвысили до титула принцессы Первого Дома – и подумайте! Какая черная неблагодарность!

– Никто не ожидал такого, высокая леди.

Сбоку ко мне подобрался еще один высоченный и утонченно изящный персонаж в белой хламиде; судя по голосу, это было мужчиной. По лицу я бы затруднилась определить – все тот же нежный овал лица, правильные мелкие черты, огромные глаза и по-детски пухлые губы. Станный он для парня, слишком смазливый, но и девушкой не назовешь.

– Лекарь здесь вы, Фиондэль, и именно вы в ответе за то, чтобы восьминогие твари застали девчонку в подобающем для перевозки состоянии. – Женщина поджала губы, и ее лицо исказилось в некрасивой гримасе.

Недовольство теперь изливалось не на меня, а на «лекаря». Интересно, эта дамочка вообще положительные эмоции испытывать умеет?

Существо неопределенного пола пару минут усиленно размышляло, рассматривая меня со всех сторон, словно товар оценивая. Потом наконец просветлело лицом.

– Успокаивающее заклятье в комплексе с заклятьем немоты, высокая леди, и девочка благополучно доедет до спальни своего нового господина! – выдало оно с такой радостью, что даже чуть подпрыгнуло. – Если правильно рассчитать воздействие, темный даже успеет возлечь с ней на ложе, а потом...

«Леди» величественно кивнула, и в ее глазах снова мельк-

нуло что-то похожее на жалость. Мелькнуло и тут же пропало.

– Делайте, Фиондэль. Свет примет ее жертву и душу.

Меня тем временем трясло все сильнее. Если первые несколько реплик я воспринимала не иначе как сон, то с каждой секундой призрачность окружающего вызывала все больше и больше сомнений. Во сне не может быть так холодно и мокро. Во сне не может чесаться кончик носа, на котором застыла капля. Во сне не может мелко пульсировать шишка на голове.

Но если воспринимать все как реальность, станет еще хуже и сомневаться придется по поводу собственного рассудка. Какие еще наложницы, фондэли-дандиэли и высокие леди?! Я не играю в ролевые игры с элементами фэнтези!

Я взрослая женщина. В свои-то шестьдесят четыре года прекрасно знаю, как меня зовут и кто я есть. Антонова Вера Ильинична, преподаватель по вокалу, на пенсии, даю частные уроки... Замужем, имею двоих взрослых детей и четырех внуков. Замужем в третий раз, с первым разбежались еще молодыми, второго похоронила, третий должен был забрать меня сегодня после урока с автобусной остановки...

Промозглый осенний вечер и скрип тормозов вернулись внезапно, воспоминание вспыхнуло, заслоняя странную реальность...

Я умерла. Я точно знала, что умерла там, на мокром от дождя и собственной крови асфальте, еще до того, как при-

ехала скорая.

Ужас произошедшего поднимался все выше, грозя захлестнуть меня, как цунами прибрежный городок, а потом все вдруг разом прекратилось. Паника исчезла, тоска схлынула, отчаяние свернулось в маленький клубок и затаилось где-то в самой глубине души.

Я с облегчением вдохнула холодный воздух и оглянулась. Если мои догадки верны...

Точно. Этот смазливый мальчишка оказался не лыком шит, и это именно он сейчас сосредоточенно сверлил меня взглядом, делая руками странные пассы, словно плыл под водой в мою сторону.

Понятно, что ему, как и отошедшей в сторонку белобрысой стерве, плевать на мое душевное состояние, но из их разговора отчетливо ясно, что я им нужна тихая, послушная и похожая на вменяемую. Теперь, когда ужас от случившегося и страх перед неизвестностью исчезли, думать и анализировать стало гораздо проще.

Значит, вот так это происходит после смерти? Величайшая загадка в истории человечества решена? Странно.

Я никогда не была религиозной, скорее относилась ко всем этим сказкам скептически – давало о себе знать советское воспитание. Но информации, особенно в последнее время, было море, в том числе и о переселении душ. Только вот происходило все несколько иначе: человек умирал и перерождался заново, младенцем. Ключевое слово – младен-

цем.

Я украдкой оглядела себя. М-да... ни разу не деточка в пеленках. Тело было восхитительно молодым, я только сейчас начала чувствовать ту необычайную легкость, которую дарит избавление от груза накопленных болячек. Но оно не было детским ни разу, особенно если судить по размеру бюста. Ничего так размерчик, вполне соблазнительный.

Пока я предавалась размышлениям, лекарь закончил свои шаманские пляски и подобострастно склонился перед стервой:

– Готово, высокая леди. Я наложил комплекс чар и закрепил их на максимальную продолжительность. Возможно, они продержатся дней десять – пятнадцать, это зависит от индивидуальных магических способностей леди Диндэниэль.

– Какие там способности, – фыркнула блондинка, вновь подходя вплотную и бесцеремонно меня разглядывая.

Она даже приподняла мою голову за подбородок, резко и с силой, как собаку. Я мысленно сжала зубы, чтобы не вырываться. Уже понятно, что я здесь ненадолго и меня кому-то отдадут. Так что лучше потерпеть и оглядеться, а там посмотрим, кто кого за поводок дергать будет.

Смазливый лекарь нахмурился:

– То есть... хм... тогда чары могут действовать намного дольше. Вы уверены, высокая леди?

– Леди Диндэниэль почти полная бездарность. – Подол

роскошного платья, расшитый серебряной нитью, жестко царапнул меня по щеке, когда «леди» шагнула вплотную. Не больно, но ощутимо неприятно. Отчего я настолько спокойно реагирую? Магия? Это совершенно ненормально, но даже интересно. – Поэтому ее и выбрали среди множества дочерей Первого Дома. В меру смазлива, в меру глупа и абсолютно никому не интересна. Даже если она онемееет навсегда, лечь в постель с чудовищем это ей не помешает. Встать!

Мегера властно притопнула изящной туфелькой на жутко высоком каблуке. Где-то внутри я тихо позлорадствовала: от такой неудобной обуви у нее явно постоянно болят ноги. Но красиво, не спорю.

Упираться было глупо, и я послушно встала, попутно отметив, что голова уже не кружится, дрожь почти прошла и самочувствие вполне сносное. Еще бы снять мокрое платье – и вообще красота.

– Иди за мной. Нужно привести тебя в порядок, твари придут уже утром. – Стервоза, даже не оглянувшись, чтобы удостовериться в моем послушании, устремилась к двери. Да на такой скорости, дылда длинноногая, что мне пришлось почти бежать следом.

По сторонам оглядываться было некогда, я из последних сил спешила за мелькающим впереди серебристым подолом. Какие-то коридоры, лестницы, опять коридоры, гулкие и пустые, со сводчатыми потолками, которые тонули в полумраке. Но средневековых факелов не видно, соломы под ногами

тоже не наблюдается. Это радует. А то читала я на досуге всякое-разное, чтобы перед сном голову разгрузить. И о по-паданках в средневековье тоже.

Раз уж мне отключили страх и переживания, работать мозгами сам бог велел. А еще мне было жуть как любопытно. Странное для меня состояние, в свои-то годы я отвыкла от живого интереса к миру. А это оказалось неожиданно приятно. Ну и слава богу. Даже если это такой реалистичный предсмертный бред – отчего бы не поучаствовать, выбора у меня все равно нет.

Надо же, задумалась и едва не клюнула длинноногую ле-ди носом, когда та резко остановилась в дверях. Не удержавшись, я очень осторожно выглянула из-за ее прямой, словно задеревеневшей спины.

Ярко освещенное помещение больше всего напоминало дорогой спа-салон. Несколько бассейнов и ванн с разноцветной водой, лежанки, кресла, скамеечки, занавески повсюду... и толпа одинаково смазливых полуодетых девиц. Они сидели, стояли, бегали с места на место и щебетали так громко, что поначалу мне показалось, что их там несколько десятков, не меньше.

А потом моя сопровождающая ка-ак рявкнула! Ей-богу, как образцовый старшина на новобранцев, мне муж рассказывал – у парней от этого вопля не только сон слетал, но и сапоги сами на ноги напрыгивали.

Вот и эта щебечущая стая замерла в полете, а потом дев-

чонки вытянулись в струнку, каждая на своем месте, и как по команде низко поклонились. Стало понятно, что их тут всего... семь... нет, восемь человек.

– Прекратить бардак! Наложница его императорского величества должна быть безупречна и готова в срок! – Злыдня не глядя протянула руку, поймала меня за мокрое платье, бесцеремонно вытащила на свет и даже подтолкнула к ближайшей ванне со светло-желтой водичкой.

Девчонки опять поклонились, молча, хотя глазками успевали стрелять только так. На «высокую ледю» со страхом, на меня – с любопытством, пренебрежением, жалостью. Поразному смотрели, но у всех было нечто общее – так смотрят на предмет интерьера, а не на живого человека. Хорошо, что на мне заклинание, действующее как местный вариант валерьянки. И мне просто любопытно, а иначе я вряд ли реагировала бы так невозмутимо.

– Будет сделано, высокая леди! – Вперед выступила, видимо, старшая из девиц.

Вот незадача, они здесь клонированные, что ли? Что леди, что лекарь, что эти свиристелки, одень их одинаково – и ни за что не различишь. Мне стало интересно: а я такая же?

Пока мымра в серебре выдавала ценные указания, я украдкой огляделась в поисках зеркала. По идее, оно тут должно быть... Ага, нашла.

Ну что сказать. Если не считать общей потрепанности, кругов под глазами и мокрого платья – меня тоже как под ко-

пирку делали. Ну, глазки чуть больше и синее. Носик слегка приподнятый, в отличие от классического у «высокой леди». Губки бантиком, локоны пепельно-золотистые... банальная куколка.

Нет, после проблем с лишним весом и морщинами – грех жаловаться. Талия тонкая, грудь есть, попа тоже вполне ничего себе. Но я привыкла брать больше индивидуальностью, изюминкой. Даже в шестьдесят с лишком. А тут оно и не ночевало.

Пока я любовалась собой и критиковала собственную внешность, мымра испарилась. Я это заметила только потому, что девичий колхоз отмер и снова защебетал на разные голоса, вдобавок чьи-то проворные руки уже стягивали с меня мокрую тряпку, а другие дергали за волосы. После очередного не слишком ласкового рывка я резко обернулась и хотела высказать самозваной парикмахерше все, что думаю о ее профессионализме... и обнаружила очередную проблему.

Сказать ничего не получилось. Я открывала рот, и из него не вылетало ни звука. Ах ты, зараза, ведь лекарь говорил о заклятии немоты!

Свое неудовольствие пришлось высказывать жестами, и я просто шлепнула по руке очередную бесцеремонную девицу, сверкнув на нее глазами. В ответ на меня независимо фыркнули, но расчесывать волосы стали немного осторожнее.

Сидя в той самой ванне с подозрительно желтой водой, я философски осмысливала происходящее. Похоже, девчонки

принимают меня за большую условно живую куклу. Мнением моим никто не интересуется, что-куда-зачем тоже не объясняют, знай вертят, крутят, мажут-трут-разглаживают... на сердитые взгляды не реагируют, отбиваться глупо – их больше.

И болтают. Прямо над моей головой, словно я не только немая, но еще и глухая на оба уха.

Глава 2

– Говорят, он может по несколько наложниц за ночь брать в свою постель! И их потом оттуда выносят...

– Удовлетворенными?

– Полумертвыми, дура!

– Так, может, они полумертвые... ну... именно от полного удовлетворения?

Девчонки дружно захихикали, а я расслабилась, чувствуя приятное прикосновение горячей воды к коже. Вдобавок одна из юных сплетниц вытянула из воды мою ногу и занялась педикюром, а это действие я просто обожаю. Так что буду дальше наслаждаться и впитывать информацию.

– Ой, девочки, а вдруг новая невеста так понравится темному, что он ее... – восторженно выдала вдруг самая младшая на вид куколка. При этом так умело массируя мне голову, что я готова была замурлыкать. Жаль, лекарь-паразит мне громкость прикрутил до упора. Какая ирония... всю жизнь учила правильно издавать звуки, а теперь превратилась в рыбку. Немую.

– Размечталась, дурочка! – Птичник дружно захихикал. – Невеста... Наложница в гареме! Да из наших ни одна там дольше месяца не протянула... Ему же плотские утехи нужны, а не драматическое стихосложение!

– Да, высокие леди от таких утех только в обморок падать

умеют, – философски заметила педикюрша. – Разве ж они знают, что настоящему мужчине надо?

– Ой, а ты, можно подумать, знаешь! – тут же откликнулась та, что колдовала над неким странным одеянием, состоящим из полупрозрачных белых лент разной длины.

– Да уж знаю! – огрызнулась девушка и поймала меня за вторую ногу. – Хотя по сеновалам с поварами и не валяюсь. Не то что некоторые!

– Ну а вдруг?! – не дала разгореться ссоре младшенькая. – Вдруг он пленится ее прекрасными глазами и... Леди в этот раз очень красивая...

– И немая! – иронично поддержал кто-то разговор из-за моей спины. – Это основное ее достоинство. Голосить не будет и рыдать в голос тоже. Так что, может, даже второй раз... попользуют. Прежде чем какому-нибудь орку отдадут, чтобы ему кибитку чистила.

– Ой, а правда, что темный любит эльфиек дарить кочевникам?

– Говорят, что да. Особенно если леди слишком слезлива и без конца в обморок падает.

Не девчонки, а клад. Я даже перестала шипеть и сердито зыркать на особенно нахальных. Покорно позволяла делать с собой все, что им вздумается, и жадно впитывала новые знания.

То есть отдают меня в гарем. Хм, гарем... ну, не на съедение дикарям, и то хорошо.

Но, судя по девчачьей болтовне, этот их темный властелин, или кто он там... страшен, как стихийное бедствие, чужден, как упавший в мазут воробей, и любвеобилен, как стадо кроликов по весне.

Нет, ну если рассуждать здраво – могло быть гораздо хуже. Красота в мужике – не главное, и в постели ему вряд ли удастся напугать меня чем-то новым, после третьего-то мужа. А в гареме вообще бригадный подряд, то есть угроза того, что заедят, минимальна.

Что касается частой смены караула и «подарит орку» – будем решать проблемы по мере их поступления. Вдруг мне так не понравится с властелином всея гарема, что я сама рвану в кибитках порядок наводить?

«Высокая леди» с ее ледяными взглядами мне совершенно точно несимпатична, и оставаться в ее власти нет ни малейшего желания. Так что пусть уж будет гарем. Если верить исторической литературе, в нем довольно комфортные условия содержания. Впрочем, там видно будет.

В конце концов в очередной ванне я заснула. Не понимаю, что за красоту надо наводить так долго, до костей уже все смыть можно было. Но даже мой сон не помешал специалистам своего дела истязать меня до самого утра.

А потом снова явилась мымра, в новом платье. На этот раз оно переливалось золотой нитью и россыпью радужных стразов, а может, и бриллиантов – пощупать мне никто не дал.

Оглядев меня с головы до ног с высоты своей ледистости, она подергала за те самые белые ленточки, которые мне выдали вместо платья, и сделала такое лицо, словно все ужасно, но другого нет. Затем отпустила зевающих девчонок одним взмахом руки и, небрежно кивнув, презрительно скривилась в мою сторону. Я даже не сразу сообразила, что это было повеление идти следом.

Снова коридоры и лестницы, только теперь мимо нас сновала масса народу, и все делали вид, что «высокая леди» шествует одна, а я так, невидимка. В конце концов меня привели к выходу из замка, наверное. Оглядеться я не успела, потому что «леди» обшипела меня с головы до ног и велела не крутить головой. Нет, в гарем, бегом, только бы с этой мымрой больше не общаться!

Но пока меня всего лишь провели через роскошный, хотя и немного искусственно выглядевший парк и поставили у ворот. С наружной стороны.

– Жди здесь. Твари заберут тебя до полудня!

Нет, здорово, да? Стой, как дура, посреди дороги, ни присесть некуда, ни попить, ни поесть не дали, жди тварей. Откуда я знаю, что это будут именно те твари, которые мне нужны?! Мало ли кто здесь бегают.

И вообще, странное отношение к властелину, или кто он у них тут. Вроде как подачку у порога бросили, сам придешь и возьмешь.

Ворча про себя и вспоминая разные интересные эпитеты и

сравнения из богатого лексикона, позаимствованного у трех мужей, я удостоверилась, что «леди» скрылась за аккуратно подстриженными кустами. А больше никого вокруг не было, даже птички не чирикали. Хоть бы комар какой залетел, все веселее... Нет, стоять здесь до полудня – никаких ног не хватит. Ага, а вон и стража. За воротами, во дворе, главное, бдят. Гипнотизируют меня в две пары глаз, но не двигаются.

Я еще раз оглянулась на них и неспешно пошла в сторону узкого газончика, заросшего соблазнительно густой и мягкой на вид травкой. Никто не будет орать и командовать? Нет, только смотрят с непроницаемыми мордами. Ну и ладно!

Сначала я села, потом подумала и прилегла прямо на траву. Ничего так, и тень от куста как раз в нужное место падает. Жить можно.

Жаль, ничего съедобного на ближайших кустиках обнаружить не удалось. И я еще не настолько голодна, чтобы попробовать жевать листья. Одна надежда, что, прежде чем... хм... увлекать на ложе любви, этот самый властелин меня накормит.

Время шло, солнышко припекало, я заползла поглубже под куст, в тень, и сама не заметила, как уснула.

«Будильник еще не звонил... какого черта бдят?» – сквозь сон подумала я и попыталась завернуться в одеяло. Странно, одеяла не было.

– Леди?

Я открыла глаза, поморгала, сонно потянулась и только потом стала разглядывать склонившегося надо мной мужчину. Вспомнилось все и сразу: и гарем, и властелин, и успокаивающее заклятие, слава ему. Потому как ни капли не страшно.

Это уже властелин или еще эти... твари его? Если властелин, то мне повезло – парень как с картинки, мощный торс, правильные черты лица, глаза большие, длинные ресницы и губки... пухлые... Как говорит внучка – мимими! И на клонированных из замка не похож, черты более резкие, чеканные, мужские.

Хотела спросить вслух что-то вроде: «Вы за мной из гарема?», но вспомнила о дурацкой немоте. В общем, вслух не спросила, только подумала.

Что удивительно, мне ответили! Парень недоуменно моргнул, склонил голову к плечу и выдал:

– Сопровождение.

Эх, жаль... Я еще раз оценивающе пробежалась взглядом по мускулистому торсу – расшитая серебряными узорами черная кожаная жилетка на одной пуговице и широкий серебристый пояс не мешали оценить богатство – и мысленно вздохнула. Хороша Маша, да не наша.

Не знаю, что этот красавчик на моем лице разглядел, но ухмыльнулся он как-то пакостно. А потом встал... вот так вставал, вставал... пока не вознесся метра на два с лишком надо мной. Ух ты, мама моя родная!

У меня рот сам собой открылся. Еще бы, никогда в жизни не видела гибрид мужика с пауком!

То есть выше пояса мужик, ну вроде как кентавр, а ниже... Вот если взять паука, увеличить раз в сто, а потом в то место, где у него глаза и жвалы, вставить мужской торс... Прикольно, как говорит внук!

Я не удержалась и погладила одну из восьми паучьих лап – ту, которая поближе стояла. Ну точно, не показалось! Паучок у нас пушистый, шерстка блестящая, короткая и гладкая, плотно прилегающая к панцирю, или что у него там... хитин, небось. Приятная такая на ощупь.

Парень от неожиданности лапу слегка отдернул, а на лице, насколько удалось рассмотреть снизу, возникло немного детское, обиженное такое выражение. Я ему успокаивающе кивнула – мол, ладно, не трогаю, если не нравится. И встала. Эх, даже в молодом теле спать на земле – то еще занятие. Все отлежалось и затекло.

И в этот момент наша с пауком идиллия закончилась. Потому что ажурные кованые ворота распахнулись, и из сада повалили толпы народу во главе с мымрой и... хм... мымром.

Судя по всему, это была правящая чета, в одинаковых хламидах, коронах и с одинаковым выражением на смазливых физиономиях. Ой, «высокая леди» меня сейчас насквозь взглядом прожжет. Злющая какая и знаки странные делает.

Встать в строй по стойке смирно? И кланяться?

Ладно, от меня не убудет, лучше не нарываться, а то еще колданет вслед чего-нибудь неприятного...

Плохие из этих светлых артисты, однако. Кланяются паучку... паучкам. А сами просто полыхают злобой и ненавистью. Бедные восьминогие мужики, мне их аж жалко стало.

Хотя долго жалеть не пришлось. Судя по всему, ребята знали, как строить всяких там властителей и прочих «высоких». Лицо у того, который меня будил, стало похоже на маску – холодное, высокомерное и насмешливое.

А потом он что-то коротко скомандовал, негромко, даже глуховато и со странным прищелкиванием. Я ничего не поняла, только заметила, как очередная тщательно скрываемая гримаса ненависти скользнула по лицу «леди», и вся компания светлых стала дружно опускаться на колени. Одна я осталась стоять, как дура, пока кто-то не дернул меня за подол с такой силой, что я едва не растянулась на земле. Да встаю уже, встаю... устроили тут ролевые игры, извращения.

Пауки от души насладились признаками покорности от завоеванных светлых. Ну конечно, завоеванных... Стали бы добровольцы такие рожи корчить, да и в девчачьей болтовне вчера что-то такое мелькало.

И вот четверо мутантиков выкатили к самым воротам здоровенный черный короб на колесиках. Это карета такая? Мда...

Окошки малюсенькие, зато дверь внушительная, чтобы,

видимо, изнутри не вышибли.

Я получила чувствительный тычок в спину, встала с колен и прошла три шага до кареты. Заглянула внутрь. Темно, душно, и пахнет кожей. Мне обязательно туда лезть?

Судя по всему, обязательно. Вон как все таращатся, а знакомый паучок лапками перебирает нетерпеливо, словно хочет пинка мне дать для ускорения. Ладно, надеюсь, меня в этом чемодане не укачает.

Надеялась я зря. В духоте и жаре, царящей внутри, да еще при том, что трясло немилосердно, я уже через полчаса сильно радовалась отсутствию завтрака. Через час, ломая намятые ноготки, смогла сдвинуть вбок забранное разноцветным стеклом (символический такой узор, в клеточку) окошко и вдохнуть капельку нормального воздуха.

Через полтора часа местное успокоительное то ли перестало действовать, то ли просто это было уже слишком, но я, усевшись поудобнее на кожаный диванчик, откинулась на спинку, а задранными ногами забарабанила в переднюю стенку чертова ящика. Вот где каблук пригодился!

Коробка остановилась, и минуту на улице стояла лишь тишина. Затем дверца медленно распахнулась, заглянул знакомый паучок, оглядел меня с ног до головы и вопросительно приподнял бровь. Ух, мне бы такие брови! Густые, но узкие, красиво очерченные, темные... так, не отвлекаться. Он о чем-то спрашивает.

– Причина? – М-да, краткость – сестра таланта и пауков.

Как же ему объяснить-то, если у меня громкость на нуле? Стоит, смотрит на меня внимательно, словно к чему-то прислушивается, а я сердито и сосредоточенно думаю, как изобразить жестами, что здесь душно и дико трясет!

— Лошадей нет, — вдруг разродился паукообразный. — Другой кареты нет.

«А что у вас есть?» — с раздраженным ехидством мысленно спросила я в пространство и тяжело вздохнула.

— Леди может ехать или в карете, или верхом на мне. — Показалось или в голосе этого идола восьминогого слышны ехидные нотки? Еще и по гладкому пушистому брюшку себя похлопал приглашающе, а глазки сощурил ну очень насмешливо. Думает, я откажусь?! Да я в окно видела, как плавно и быстро паучишки бегут, уж всяко лучше, чем в этой погребушке!

Этот ехидна тем временем, не дожидаясь моей реакции, развернулась и явно намылилась удалиться. Эй! Я так не играю! Ага, за лапку поймать успела!

Вот теперь глаза у него стали круглые и обалдевшие. Потому что я отпустила его ногу, демонстративно радостно закивала и полезла из кареты с явным намерением оседлать предложенного скакуна.

Со всех сторон слышалось стрекотание, и я не я и «до» от «ля» не отличу, если в этом стрекотании не слышалось откровенное веселье. Паучки сопровождения всюду пилились на нас и выразительно переглядывались. А мой будущий ска-

кун еще с минуту таращился на меня сверху вниз неверящими глазами, потом громко вздохнул и опустился на обочину, аккуратно поджав лапки. А человеческие руки демонстративно скрестил на груди. Смешной! Нет, я никогда не страдала арахнофобией, а внучкин тарантул мне очень даже нравился, но вот умиления у меня эти многоногие еще не вызывали. До этого момента.

Не удержалась и, прежде чем влезть по сложенным лапкам, как по ступенькам, еще раз погладила короткий шелковистый мех на одной из них. Хм, а коленка какая интересная! Ну или как оно у пауков называется... Сочленение? Мех чуть меньше, зато он еще нежнее, так и тянет провести пальчиком.

Любопытство снова взяло верх над всеми остальными эмоциями, а чувства страха и самосохранения у меня, похоже, полностью атрофировались. К тому же на уровне подсознания я воспринимала молодого паука как котенка или, скорее, экзотического жеребца, которого так и тянет погладить. Что я и сделала, вызвав новую волну заинтересованного стрекота.

Брюшко у парня оказалось тоже приятно пушистое, теплое. Только держаться не за что. Поэтому, пару секунд подумав, я перебралась вплотную к тому месту, где заканчивался паук и начинался симпатичный мужчина, и уселась верхом – то есть обняла ногами его человеческую половинку за талию. А что? Удобно, и руками можно пощупать, раз он сам

не против.

Он был не против, он был в шоке. Все время оглядывался на меня через плечо и хлопал длинными ресницами. По рукам не бил, не вырывался, ну я и осмелела. Интересно же! Где у него хитин заканчивается и что на этом месте начинается – человеческая кожа? Очень похоже. Гладкая, упругая и теплая.

Место, где заканчивался паук и начинался парень, оказалось скрыто широким жестким поясом, а жаль. Хотя... может, это у них интимная зона? Любопытство любопытством, а нагнеть я не собиралась, так что под пояс не полезла.

Паучий кортеж тем временем плавно набирал скорость, мы уже неслись по дороге как бы не быстрее, чем мой муж по автостраде на новой машине. И ни капли не трясло, и ветерок... свежий... Если за спину моего «коня» спрятаться и вцепиться как следует – даже не сдувает. А карету они бросили на обочине...

Комфортная езда располагает к размышлениям. Я вдруг подумала: если у темного властелина такие слуги, то кто он? А вдруг тоже... паук?

Эта мысль меня слегка озадачила. Странное какое-то заклятие – мало того что чувство страха заблокировало, так еще и жгучее любопытство активировало. Нет, ну если представить... и отчего-то же светлые леди там падают в обморок пачками? Может, они просто пауков боятся?

А чисто анатомически... интересно, как оно выглядит? То

есть я паучье брюшко снизу видела, и никаких первичных половых признаков из него не торчало. Вот если оно у него там... хм... под поясом спрятано? Тогда еще ничего. Как бы разузнать? Прямо спросить? Неудобно как-то, и у меня все равно голоса нет, а знаками я о таком спрашивать точно не умею.

Вжавшись щекой в теплую кожу между лопатками своего скакуна, я вдохнула чуть терпкий, горьковатый запах. Интересно он пахнет, я бы даже сказала – приятно. Не ожидала такого от паукообразных. Впрочем, раньше мне в голову не приходило их обнюхивать. А на ощупь парень со всех сторон хоть куда – паучья часть шелковисто-пушистая, человеческая – не в каждом дорогом салоне кожу до такой степени отшлифуют. И загар ровный, золотистый, как после шипучего курорта. Короче, я решила не париться, даже если властелин тоже мутант. Во всяком случае, его будет приятно потрогать.

Вдоволь пошарив везде, куда мои любопытные ручонки дотянулись, я выяснила, что, скажем, у этого товарища тоже есть соски. Под жилеткой. И он реагирует на прикосновение. Вздрагивает и оглядывается. Сама не ожидала от себя такой бесцеремонности. Надеюсь, он не примет это за банальные приставания. А то когда мне еще дадут такую необычную зверушку потрогать?!

Кстати, человеческое тело у него не торчало из панциря сразу по пояс, как пришитое. Скорее было похоже, что пауку

распилили переднюю часть, потом взяли парня и погрузили его туда... хм... скажем, до середины бедра. И вот та часть, что закрывала бедра, выступала над паучьим брюшком, но тоже была бронирована хитиновыми пластинами – аккурат до серебряного пояса. Панцирь в этом месте не был сплошным, а напоминал броненосца – подвижно соединенные пластинки заходили одна за другую, а при движении гнулись, и между ними была видна кожа, но не как на человеческой части, а словно бы замшевая. Не удержалась и сунула палец между разошедшимися пластинками, когда мой скакун чуть отклонился вправо. И едва успела спасти свою конечность, когда паучок подпрыгнул и резко обернулся ко мне. Вот блин! Ладно, тут больше не трогаю. У него много разрешенных мест.

По второму разу щупать тоже было интересно, а потом меня все же укачало. Не в том смысле, что стало плохо, просто я уютно привалилась к теплой спине скакуна и задремала, крепче обняв его поперек груди.

Глава 3

Уже много лет как я страдала бессонницей. Точнее, долго засыпала и спала очень чутко. Малейший шум, или духота, или другое какое неудобство – и прощай, нормальный отдых.

А тут уснула в сидячей позе... да еще и скакун подо мной резво перебирал восемью лапами, весь шевелился, топал, щелкал и даже стрекотал на бегу. И остальные пауки тоже передвигались с заметным шумом. Но мне это не помешало – вот что значит молодое здоровое тело.

Я не открыла глаз даже тогда, когда бег замедлился, слитный шум множества паучьих ног сменился цоканьем лошадиных копыт, а над самой головой кто-то начал переговариваться. Так и слушала сквозь дрему, не желая отрываться от теплой, уютной спины.

– Надеюсь, она в обмороке? Труп могли бы и по дороге закопать... – Какой приятный мужской голос... а говорит гадости.

– Нет, морра арргросс, леди просто спит. – О, это мой паучок! Я уже выделяю его глуховатый баритон.

– Просто спит? Верхом на тебе?! У вас что, карета по дороге сломалась? Надеюсь, леди не слишком долго истерила, прежде чем уснуть?

– Нет, морра арргросс, она истерила в карете, а на мне успокоилась.

Снова послышался звонкий цокот копыт, а потом приятный голос добавил, уже удаляясь:

– Хм... Поразительно! Из какой светлой глуши они ее выдернули? К завтрашнему утреннему докладу напиши подробный отчет о поездке и выясни родословную очередной светлой невинности моего гарема.

Чему это он так удивляется? Мне? Подумаешь, сплю... сам бы попробовал провести ночь в компании восьми эльфиек-парикмахерш, а потом бы недоумевал.

– Слушаюсь, морра арргросс.

Послушный паучок... но мы, кажется, приехали. Во всяком случае, меня попытались аккуратно снять с моего наеста. Пришлось просыпаться.

Судя по всему, я мирно подрыхла чуть ли не весь день, потому что небо над мягко шелестящими кронами, окружавшими нас со всех сторон, было глубоко лиловым, в россыпи звезд.

Куда это меня притащили? В лесное логово? Ой, нет... не в лесное. Это просто сад, причем внутренний – то есть внутри крепости. Или целого города? Вон там башня, и вон там, и... ага, башни расположены по кругу, со всех сторон, довольно далеко от меня и друг от друга. При этом четко вырисовываясь на фоне темного неба и слабо светясь по контуру.

Каждая из башен заканчивалась самой необычной крышей, что я когда-либо видела. Они напоминали перевернутых на спину пауков с восемью длинными шпилями-лап-

ками, между которыми, будто захваченные в тиски живые существа, лежали огромные белые шары, переливающиеся перламутром и словно пульсирующие.

Один из восьми шпилей у каждой из башен был значительно длиннее остальных и, не касаясь жемчужного шара, плавно загибался в сторону внутреннего двора, как огромный коготь.

В целом все это было похоже на огромную незавершенную птичью клетку. Но едва заметный воздушный узор в небе, тонкий, как искуснейшая паутина, подсказывал, что, возможно, и завершенную.

Я, не стесняясь, с любопытством оглядывалась, пока мы чего-то ждали у ажурной калитки в глубине темного сада. Странно, фонарей не наблюдается, луны тоже, а между тем вижу я вполне сносно. И вообще, отлично вижу! Это я-то, очкарик чуть ли не с детского сада. Благодать... пахнет травой, какими-то цветами, а еще справа тянет прохладой и свежестью, как от воды. Паучок рядом остался только один, стоит, переминается, сочленениями тихо щелкает. Смотрит искоса.

А я вдруг вспомнила, что дико хочу есть. Вот же зараза, чтобы этому «фейхуэлю» до конца жизни так обед выпрашивать, жестами! Если меня и в гареме не покормят – это будет просто издевательство.

Или я подумала слишком громко, или это мой живот заурчал очень уж выразительно, но паук вздрогнул и обернул-

ся. Но опять ничего не сказал.

Калитка тем временем тихо скрипнула, привлекая наше внимание. А вот за ней никого не оказалось, только темнота. Интересно, у них здесь домофон? С видеонаблюдением?

Паук развернулся и направился в темноту, причем сразу взял неплохую скорость. Я за ним не успевала, хотя очень не хотела потеряться, а уж мыслей о побеге и близко не было. Одна, неизвестно куда, на каблуках и голодная? Нет уж!

Резвый скакун через двадцать метров заметил наконец, что две мои ноги против его восьми не котируются, и вернулся. Молча обозрел меня с непроницаемой рожей, но я всей кожей ощущала исходящую от него странную заинтересованность пополам с досадой. То есть вроде как он сам себя убеждает, что фу, какая гадость, и сам же все время оглядывается, чтобы лишний раз на эту гадость посмотреть.

Паук тем временем подобрался вплотную и вдруг подхватил меня за талию передней парой лапок. И водрузил прямо на середину брюшка.

– Сидеть надо тут! – внушительно буркнул он и как-то так прогнул панцирь, что у меня под попой образовалось небольшое весьма удобное углубление. И все равно верхом было гораздо лучше, а тут – держаться не за что, до спины скакуна не дотянуться, и вообще...

Все это я старательно транслировала в человеческую спину отвернувшегося мутанта, потому как мне было интересно: он действительно улавливает мои мысли или показалось?

Во всяком случае, паук, хотя и не оглянувшись, лопатками передернул очень красноречиво, словно от моего взгляда там чесотка завелась. И плавно двинулся вперед.

Вот если бы можно было сесть нормально – получилась бы отличная прогулка по саду. Приятный ветерок, особенная тишина, наполненная звуками ночной жизни. И мягко плывущее паучье брюшко подо мной.

Но сидеть было неудобно! Особенно когда восьминогий перевозчик наложниц достиг лестницы и, не снижая темпа, заскользил по ней куда-то вверх. Упершись ладошками в покрытый пушком хитин, я скептически наблюдала, как это чудо почти уткнулось животом в ступеньки, подгибая передние лапы и приподнимая брюшко так, чтобы я не соскользнула вниз. И как не переломится в том месте, где у него паук к туловищу прирос.

Не знаю, помог ли мой громко продуманный скептицизм или еще что-то, но брюшко подо мной вдруг подпрыгнуло, и я скатилась в уже привычное положение – к самому торсу.

Паук снова передернул плечами, но даже не повернул головы, а я еще пару секунд озадаченно размышляла – мне показалось или как? Потому что он совершенно точно молчал, а я откуда-то не менее точно знала, что на меня наворчали по поводу того, что я даже на пауках ездить правильно не умею. А под всем этим ворчанием словно отблеск солнечного луча в глубине заросшего озера – любопытство и даже как будто удовольствие?

Интересно, мы бежим на верхушку еще одной, невидимой башни? Просто лестница все не кончалась и не кончалась. Ан нет, уперлась, наконец, в массивную каменную кладку поперек дороги, в середине которой была крепкая даже на вид дверь.

Паучок остановился на площадке перед входом, снова спихнул меня на середину брюшка и застыл, явно чего-то ожидая.

Я успела заскучать и еще раз громко побурчать животом, когда по стене вдруг скользнула огромная тень.

Вот вроде и привыкла уже за день к паукам-мутантам, но этот был заметно крупнее, пушистее и... оказался дамой. Пожилой, но очень... очень внушительной.

Одета была пожилая леди – другого слова и не подобрать! – в уже привычный жилет, но более длинный, без узор и застегнутый на все пуговицы вплоть до внушительного декольте.

У дамы были сурово поджатые губы, слегка сдвинутые к переносице прямые широкие брови, строгие большие глаза, окруженные сеточкой едва заметных морщин, полуседая, когда-то черная, роскошная грива волос, сейчас стянутая в тяжелый узел... М-да. Наша директриса в свое время пыталась добиться подобного эффекта, но она и рядом не стояла с этим величественным олицетворением ХОЗЯЙКИ.

Сама не поняла, как оказалась на ногах, чуть в стороне от низко склонившегося «моего» паука. Тот являл собой кар-

тину глубочайшего почтения, даже первые две пары лапок положил на пол, так распластался.

Паучья леди на секунду смерила нас взглядом, потом вдруг у меня перед глазами что-то мелькнуло, и я обнаружил, что мадам внушительно прищлепнула моего провожатого к полу одной из массивных лап, а тот и не думает сопротивляться.

И опять я могла поклясться, что они не издавали ни звука. Откуда же в моей голове возник этот диалог?

«Мое почтение, аррграу Рраушшана. Я доставил новую наложницу. Она немного странная, все время молчит и хочет есть».

«Сама разберусь, мальчишка, кто здесь странный, а кто обнаглел и тянет лапы куда не положено. Не смей даже думать о собственности арргросса!»

«Я не смею, аррграу! Просто она... действительно странная».

«Исчезни с глаз моих, Ррашшард, и без позволения арргросса больше здесь не появляйся!»

«Слушаюсь, аррграу!»

Паучиха отступила к стене, и мой освобожденный скакун поднялся на лапы. Бросил на меня еще один непонятный, словно сожалеющий взгляд и в мгновение ока умчался вниз по лестнице.

А паучиха, даже не посмотрев в мою сторону, легонько толкнула лапами массивные, окованные темным железом

створки двери. И только потом указующе ткнула лапой в открывшийся проход, из которого на площадку пролился теплый ровный и неяркий свет.

Если уж я весь день не спорила с обстоятельствами, то теперь это делать было вдвойне глупо. Я учтиво склонила голову и пошла куда велели.

Створки все так же бесшумно закрылись за моей спиной. Мы прошли узким коридором куда-то налево, миновали еще одну массивную дверь, спустились на два лестничных пролета и оказались на открытой галерее, с одной стороны которой были резные деревянные перила, увитые виноградом, а с другой, примыкающей к стене, было множество дверных проемов, занавешенных тканью, по которой там и тут посверкивал серебристо-ажурный узор натянутой паутины. Откуда-то из-за перил лился приятный теплый свет.

Здесьняя хозяйка уверенно проскользнула вдоль галереи в самый ее конец и передней лапой отодвинула тяжелую бархатную занавесь в одной из ниш, не перечеркнутую, как я заметила, паутинным узором.

– Твоя комната. Зайти можешь только ты. – Похоже, телеграфный стиль общения – это фирменный паучий знак. – Ночью выходить запрещено. Посещать чужие покои запрещено. Если нарушишь сигнальную паутину, – кончик волосатой лапы ткнул куда-то в косяк, и светящаяся нить начала плести свое кружево, в считанные секунды затянув весь проем, – будешь наказана. Ночью сигнальная паутина вырастает

сама. Днем будешь активировать ее, когда уходишь. Теперь иди и спи. Утром тебе объяснят все остальное.

Выдав ценные указания, мадам паучиха одним легким движением ликвидировала сигнализацию, подтолкнула меня в спину в направлении комнаты и развернулась с явным намерением ретироваться.

Эх, была не была, попробую. Как он там говорил? Аррграу?

Не пытаясь даже раскрыть рта, я очень старательно и целенаправленно проговорила в уме, глядя прямо на собеседницу:

«Уважаемая аррграу, простите, но я не ела больше суток. Нельзя ли поужинать перед сном? Меня устроит что-нибудь самое простое. Если вас не затруднит».

Дама не стала так явно изумляться, как мой провожатый. Но обернулась и окинула меня заинтересованным взглядом: «Вежливая. Хорошо. Кто научил тебя языку разума, светлая?»

«Не помню!» – честно ответила я и подтвердила слова громким – нет, не бурчанием, уже рычанием живота.

«Ррашшард был прав, ты странная светлая. Не боишься меня?»

«Нет. Я есть хочу». – Ну же, ближе к делу, то есть к ужину!

«Иди в комнату, я прикажу накормить тебя». – И свалила, не оглядываясь.

Будем надеяться, действительно прикажет и кормильцы

не слишком задержатся, а то я уже готова пожевать ту шторку, что заменяет дверь в мое новое жилище.

Вздохнув тихонько, я отдернула занавесь и огляделась.

Комнатка была очень маленькая, но уютная. Стены обиты приглушенно-зеленой парчой с едва заметной серебристой вышивкой. На полу ковер, тоже зеленый, но более темный, с тонким бежевым рисунком. В правом дальнем углу вдоль стены кровать с полупрозрачным балдахином в лучших традициях востока. Рядом с ней, как раз под маленьким, забраным резной решеткой оконцем, миниатюрный, словно игрушечный, столик. Окно под самым потолком, и в него заглядывает какая-то любопытная звезда, нахально просовывая колючие лучики сквозь фигурные прорези. Я уже не удивлялась тому, что этого света мне хватает, чтобы не только обстановку разглядеть, но и цвета различить вплоть до оттенка. Стояла, разглядывала, прислушивалась, приняхивалась.

Окно, видимо, выходило на ту сторону стены, в сад, через который меня вез паук. И где-то рядом сидела трудолюбивая цикада, звонко перепиливая свою импровизированную скрипку. А больше ничего не было слышно.

Пахло довольно приятно – свежестью и почему-то немного лимоном. Или лимонной мятой, я всегда любила этот запах, но чтобы едва заметный, на грани ощущения. Вот как сейчас.

У противоположной стены большое зеркало, что-то похожее на низенький комодик под ним и пузатый бархатный пу-

фик, ожидаемо в зеленых тонах. О, а еще между зеркалом и выходом притаилась маленькая узкая дверка, обитая той же тканью, что и стены. Если я не ошибаюсь... Да-а-а! Какое счастье!

А то мне в кустики у паука некогда было отпроситься. Он то несся, как гоночный болид, то ворчал что-то там свое, паучье. А тут вполне сносный санузел, только без ванны или душа, унитаза да умывальник. Вполне узнаваемого вида. И за это спасибо!

Когда я, довольная и даже умытая, выбралась из туалета, то встала как вкопанная и даже тихо ахнула. От радости! Потому что запахи в комнате сменились и теперь вместо просто приятных стали восхитительно аппетитными.

Пахло свежей сдобой, медом и молоком. Самое то для легкого ужина, потому что, несмотря на голод, наедаться перед сном – не самое умное занятие.

На мое аханье отреагировало странное существо, аккуратно расставлявшее маленькие тарелочки на столе. Подпрыгнуло, пискнуло и попыталось смыться под кровать вместе с половиной моего ужина, оставшейся на подносе.

– Эй, стой! – возмутилась я и кинулась спасать пропитание. Поднос схватить успела, а мохнатое и черное, похожее на шарик с глазами, запищало еще громче, отпустило мою добычу и исчезло под свисающим краем одеяла.

Я поставила отвоеванный поднос на свободный краешек стола. Подумала секунду... и любопытство все же победило

голод. Осторожно отогнув край одеяла, я заглянула под кровать. О том, что там еще темнее, мне как-то даже в голову не пришло. Я все равно все прекрасно видела и... ничего не видела. Под кроватью было пусто. Даже пыли не наблюдалось.

Ну и ладно, чудеса подождут до завтра, а сейчас – ужин!!!
Наконец-то!

И, только утолив первый голод, я вдруг поняла: что-то было не так. Что? Ой!

Я же вслух на мохнатушку вопила, когда еду спасала! Некачественное какое-то волшебство у «фендюэля» оказалось. Бракованное.

Глава 4 (второй день)

Я подскочила на кровати, зажимая уши, и еще пару минут не могла понять, где я, кто я и что это за адский заунывный вой под псевдомелодичное треньканье. Какой кошмар!

Но выяснилось, что это не просто кошмар. Это ежеутренний кошмар, который называется «будильник».

Я это поняла, когда уже умылась и выглянула из комнаты. Сторожевая паутина пропала, а по галерее бегала и сустилась толпа девчонок. Разглядеть в подробностях я никого не успела, но у одной точно были за спиной стрекозиные крылышки, другая была радикально салатового цвета, вся, с ног до головы. А в целом девчонки были молоденькие и хорошенькие, как куколки.

Я прислушалась к себе. Даже ради эксперимента попробовала вслух посчитать, как бывает при проверке микрофона: «Раз-два-три, раз-два-три, проверка, проверка».

Голос оказался на месте, громкость в норме, вокальные данные я потом протестирую, но в целом вроде ничего так тембр. Слегка низковат для эльфийской девы – что у служанок, что у мымры голоса были достаточно высокие, звенящие и, на мой вкус, резковатые. Вот интересно: это тело изначально выбивалось из общей октавы или мое вселение так повлияло? В прошлой жизни у меня был именно такой тембр.

Кстати, если с заклятием немоты произошла осечка, то спокойствие и любопытство никуда не делись. Наоборот, теперь они вообще воспринимались как нечто родное и естественное. Я внутренне усмехнулась – вот уж против такого волшебства я точно не возражаю.

Нет, я прекрасно помнила и свою жизнь, и свою семью... но боли не чувствовала. Только тихую и нежную грусть. Дети выросли, они справятся без меня. Я буду скучать и по ним, и по внукам, но изменить что-то не в моих силах. Муж... нам было очень хорошо вместе. Дай бог ему встретить умную и любящую женщину – он еще мужчина в самом соку. Я буду помнить и благодарить. И тоже скучать, конечно...

Но я теперь в этом мире. И жить надо здесь и сейчас. И если эльфийское заклятие так действует – спасибо ему. Никакого желания биться в агонии я не испытывала.

– Кхм! – Я не заметила, как галерея опустела и рядом со мной осталась только одна девушка, которая сейчас стояла прямо напротив и изучала меня с несколько высокомерным видом.

– Ты новенькая? Как тебя зовут?

И я зависла, как неисправный ноутбук. Хороший вопрос! А КАК меня зовут?!

Нет, мымра что-то говорила, как-то называла меня. Но я тогда вообще плохо соображала и ни-че-гошеньки почти не запомнила! Что-то такое... Ден... Дин... черт!

Ну не представляться же Верой Ильиничной? Так, надо

соображать быстрее. Нет, все равно не помню. Постойте-ка, так ведь я же вроде немой еще должна быть? Вот и побуду. А там посмотрим, или хоть что-то вспомнится, или, может, как-то разужнаю.

Я подняла глаза на собеседницу, постаравшись сделать взгляд как можно невиннее и несчастнее, и красноречивым жестом приложила ладонь к горлу, потом к губам и отрицательно покачала головой.

– Ах да! – с досадой отозвалась девушка. – Ты же еще и немая! Навязали заботу на мою голову. Ладно, иди за мной.

Она развернулась и быстрым шагом направилась в другой конец галереи, даже не озаботившись тем, следуя я за ней или отстала. Более того, на лестнице, по которой мы стали спускаться, моя провожатая вполголоса бурчала себе под нос:

– Только немых здесь не хватало. Выставка уродов, кто ее вообще принял? Скоро эти эльфы будут обезьян удочерять, чтобы прислать повелителю...

Она с такой экспрессией возмущалась, так искренне и при этом настолько свысока, что мне стало смешно. Я молча спускалась следом, пряча улыбку. И с интересом оглядывалась по сторонам при дневном свете.

Оказалось, что мы спускаемся с верхнего этажа своеобразного «небоскреба». Вся стена, отделяющая гарем от остальной крепости, изнутри оказалась «застроена» ярусами, галереи шли этажами. Мы уже спустились как минимум

этажей на пять, а до земли было еще далеко. И никакого лифта, кстати, ножками все, ножками.

На каждой галерее было около десятка комнат, точнее я не успела сосчитать, но с интересом прикидывала, сколько же тут живет народа. И это все наложницы? Силен повелитель.

Мы были уже почти в самом низу, когда моя провожатая, которая, между прочим, сама даже не подумала представиться, перестала возмущаться в пространство и снова обратилась ко мне:

– Я расскажу тебе о здешних правилах и отведу на завтрак, а потом на первое занятие, но даже не рассчитывай, что буду с тобой нянчиться долго, поняла?

Я кивнула, снова подавив улыбку. Девчонка была похожа на вредную примадонну-старшеклассницу и так же по-детски смешна. Грех на ребенка обижаться. Тем более она заговорила о каких-то занятиях, и это меня всерьез заинтересовало.

– Вот здесь столовая, запоминай сразу. Завтрак подают только в течение получаса после утренней песни, если проспичь и опоздаешь, останешься голодной. Второй завтрак вам принесут в павильон знаний, а на обед снова придешь сюда, сразу после полудня. Как раз закончатся занятия.

Девчонка тараторила быстро, не обращая внимания на то, слушаю я или нет. Похоже, ей действительно не терпелось побыстрее от меня отделаться.

– У нас учат изящным искусствам – музыке, танцам, ри-

сованию, стихосложению. Просто отправишься за наложницами из своей группы.

Угу, понятно. Музыка и танцы – интересно, и не думаю, что сложно. Со стихами разберемся. А вот рисовальщица из меня... я читала, что где-то в Индии слона научили размазывать краски по холсту, а потом продавали эти картины туристам. Вот я как тот слон.

Провожатая тем временем втолкнула меня в одну из дверей, и я оказалась в большом помещении, обставленном так, что не возникало ни малейшего сомнения – столовая. Только вместо длинных общих столов, как в школе например, тут были небольшие столики на троих-четверых, круглые, покрытые белоснежными скатертями, и вообще, атмосфера больше напоминала хороший ресторан.

Обитательницы этого веселого заведения уже расселись по своим местам и усиленно работали ложками. Мой желудок громко возрадовался вкусным запахам, и за ближайшим к выходу столиком тут же раздалось дружное девичье хихиканье.

Прямо на меня никто не оглядывался, все вроде как затракали и просто переговаривались между собой, но при этом взгляды искоса едва не изрешетили меня как хорошая пулеметная очередь. И пока мне искали место, со всех сторон тихо, но отчетливо несло одно и то же словечко.

«Эпоква».

Интонации были разными, от насмешливо-презритель-

ных до абсолютно равнодушных. Но поскольку слово шелестело вслед все то время, что меня вели в самый дальний угол, я сделала вывод, что относится оно непосредственно ко мне. И что удивительно, уже пристраиваясь на свободный стул, я вдруг поняла, что слово мне знакомо. Более того, я знаю, что оно означает на языке дриад.

Эпоква – дословно «мокрый тростник», а по смыслу – плакса, нытик, изнеженное, неприспособленное для жизни, тонкое, ломкое и бесполезное растение.

Во дела. Имени своего не помню, а то, как меня обозвали на изысканно-древесный манер, поняла превосходно. Откуда?

Видимо, оттуда же, откуда пришло знание как минимум еще двух языков. На свежую голову очень хорошо вспомнилось, что мымра и ее мымрята разговаривали со мной на одном наречии, а вот паук – совершенно на другом. И тот и другой я прекрасно понимала и, прислушавшись к себе, даже выделила различное звучание слов, отвлекаясь от их смысла.

На пробу я попыталась подумать что-то на своем родном русском языке. М-да... вот тут начиналась путаница. Потому что я вроде как думала знакомыми словами, а на поверку под нужные образы мгновенно всплывало совершенно другое звуковое сочетание.

Нет, по-русски мне вряд ли придется тут с кем-то общаться, но все равно обидно.

За размышлениями я как-то упустила из виду соседок по

столу, да они и не рвались общаться, шушукались между собой. Перед тем как улетучиться, моя недобровольная провожатая буркнула, что это и есть моя «группа», с которой мне потом надо будет идти на занятия.

Кстати, лица оказались знакомыми, именно эти девчонки мелькали на моем этаже после экстремальной побудки, из чего я сделала вывод о том, что они тоже новенькие. Впрочем, я могла и ошибаться, просто подумалось, что вряд ли меня определяют в группу «старослужащих».

– Говорят, немая.

– Да ты что... жалость какая. А я думала, послушаем эльфийское пение, мне матушка рассказывала, это божественно...

– Пфы! Наслушаешься еще. Через месяц уже новую пришлют, вот увидишь.

– А эту?!

– А что эту? Или подарят кому-нибудь, или вообще... Говорят, они пауков так откармливают.

– Врешь ты все!

– Ага, только эльфийские девы в этом месте долго не живут.

– Да ты откуда знаешь, сама всего две недели...

– Зато я умею слушать. А жаль... светлые девы в жертву чудовищу – это романтично, но грустно.

Я тоже умею слушать и с детства со своим слухом вечно слышала разговоры, для моих ушей не предназначенные. В

данном случае шептались две очень симпатичные девочки вполне человеческого вида, то есть ни крыльев, ни экстремальной раскраски.

Мы всей толпой шли на первое утреннее «занятие». Они впереди шагов на десять, а я приотстала и с любопытством рассматривала затейливую резьбу по белому мрамору – дорожка, вымощенная лазурной плиткой, вилась между павильонами и беседками, преимущественно каменными.

Та, что мечтала послушать эльфийское пение, умилительно пухленькая длиннокобая брюнеточка с нежной сливочно-персиковой кожей, все время на меня оглядывалась, и ее круглые ореховые глазки испуганно и с любопытством блестя. Вторая, высокая блондинка с фигурой валькирии, выступала так же уверенно, как и говорила. Еще три или четыре девицы, завтракавшие за соседним столиком, убежали далеко вперед и на меня даже не оглядывались.

Пришлось поспешить, потому что весь этот гаремный комплекс напоминал очень красивый мраморный лабиринт, и блуждать по нему в одиночестве у меня пока не было ни малейшего желания.

Ну что сказать о занятиях? Радовало то, что читать и писать я умею. Правда, при попытке «начертать» на листе светло-кремовой плотной бумаги заданное стихотворение мой мозг вошел в суровое противоречие с моими же руками.

Я уже говорила, что рисовальщица из меня еще та. А «чертать» нужно было тоненькой кистью, обмакивая ее в пу-

зырек с красивой темно-зеленой тушью.

Все началось с того, что, получив задание, я, совершенно не задумываясь, машинально взяла кисть и быстро обмакнула ее в чернила, как-то очень ловко стряхнув лишнее обратно в пузырек, и уже занесла свое орудие над бумагой...

И тут мое сознание всполошилось. Оно-то твердо знало, что я и кисточки – это как слоны и бабочки. Первые, даже если бурю поднимут, размахивая ушами, взлететь все равно не смогут, не говоря уже про цветочки опылять.

Пришлось осторожно положить кисточку на краешек мраморной плиты, заменявшей здесь этакую помесь стола, мольберта и пюпитра. И крепко задуматься.

Написанное на мраморной же, но темной поверхности «классной доски» стихотворение я смогла прочесть без труда. Это здорово подняло мне настроение, и я ринулась в бой, не задумываясь над своими действиями. Мои уже вроде как родные ручки взялись за работу... ага. Стало быть, долой сознание.

Если бы можно было, то я и глаза бы закрыла, чтобы не отвлекаться на непривычный вид собственных конечностей, которые с ловкостью завязанного каллиграфа выводили изящные зеленые вензеля по кремовой бумаге. Но тут номер не прошел, смотреть все же пришлось.

Где-то после первой строчки я окончательно расслабилась, и кисть задвигалась быстрее. Очень помогло то, что в прежней жизни, когда я училась, а потом и сама учила пе-

нию, часто приходилось делать именно это – отстраняться от сознания и вслушиваться в собственные ощущения, нарабатывать, а потом и использовать моторику. Правильное дыхание, умение расслабить или напрячь нужную группу мышц, не опускать и не зажимать диафрагму... звучит совсем не так романтично, как красивое, особенно оперное, пение, но это «азбука» любого певца.

Урок каллиграфии закончился, настало время потруднее. Слагать стихи, если у тебя к этому нет ни малейших способностей, это жесть, как говорила внучка. Любовь-морковь, закат-плакат – вот и вся моя поэзия. Ну и ладно, буду двоечницей, все равно по легенде прочесть свое творение вслух мне не дано.

А вот с музыкой все пошло с самого начала и весело, и грустно.

Весело в том плане, что струнные для меня – любимые. И прочесть ноты с листа я могу. Если дома шестьдесят лет свои семь нот читала, то и здешние восемь – не проблема, тем более что тут как с буквами оказалось.

Но вот мелодия... нет, поначалу все очень нежно, изящно, мило... сладко. А через полчаса уже тошнит от однообразной мелодичной приторности.

Эта музыка была в одной тональности и одной громкости. Не было ни крещендо, ни диминуэндо, ни переходов, оттого казалось, что исполняет ее не живое существо, а старинная музыкальная шкатулка, где мелодия записана на бесконечно

крутящийся барабан.

Музыка всегда увлекала меня за собой в свой особый непредсказуемо-волшебный мир. Я могла увлечься и забыть об окружающем, могла запросто потерять и полчаса, и час и очнуться с ощущением, что прошло не больше минуты.

Вот и сейчас я постепенно начала импровизировать, стараться разнообразить мелодию. И потеряла осторожность.

Когда я вынырнула из мира музыкальных грез, вокруг стояла мертвая тишина, только последняя нота моей импровизации еще дрожала в воздухе. Вот же!

Все, включая строгую, слегка высохшую в своей излишней худощавости даму-преподавательницу, отложили свои инструменты, ноты и смотрели на меня как на восьмое чудо света.

И все бы ничего, если бы взгляды были только заинтересованными, как у местной мумии от музыки. Но в основном на меня смотрели отнюдь не доброжелательно. Кто-то с долей зависти, кто-то просто неприязненно, с презрением, а кто-то откровенно враждебно.

Только та пухленькая кареглазка, что мечтала услышать эльфийское пение, изливала на меня искренний восторг и блаженно жмурилась, как котенок на солнце, видимо еще наслаждаясь мелодией.

Я встала, аккуратно положила на место инструмент, очень напоминающий семиструнную гитару, сделала скопированный у других наложниц легкий полупоклон, всем своим ви-

дом стараясь продемонстрировать желание уйти пораньше.

К счастью, преподавательница, имени которой я с одного раза не запомнила, потому что оно было длинным, вычурным и содержало множество труднопроизносимых слов, коротко кивнула в ответ, отпуская меня.

Поскольку занятие музыкой было последним в расписании на сегодня, я решила попробовать самостоятельно добраться до столовой. Лазурная дорожка перетекала под ногами затейливыми разводами по глазурованной поверхности и напоминала тихий ручей, спрятанный под прочную и прозрачную поверхность. Пока мы путешествовали от павильона к павильону вместе с группой, я старательно запоминала дорогу и обращала внимание на особые приметы местности.

Вот затейливый карниз, венчающий легкую, увитую виноградом беседку. Вот смешной маленький дракончик, обернувшийся вокруг мраморной колонны и с самым свирепым видом кусающий свой чешуйчатый хвостик. Вот клумба с шикарными, с суповую тарелку величиной, вишнево-бархатными розами.

К этой клумбе можно было выйти с закрытыми глазами, настолько сильным был аромат, пропитавший все вокруг на несколько десятков шагов. А от клумбы уже рукой подать до резной арки, после которой лазурная плитка под ногами сменяется похожим на крымский известняк пористым желтоватым камнем. Им вымощена довольно большая открытая площадка перед лестницей, что ведет на мою верхотуру. А

справа должен быть вход в столовую.

Сначала мне показалось, что огромный гулкий зал еще пуст. Шторы на окнах были задернуты и пропускали внутрь зеленоватый приятный полусвет вместо ослепительного полдня. Глаза привыкли почти мгновенно, и я уверенно двинулась к тому столику, за которым сидела во время завтрака.

– Эй! – вдруг окликнули меня откуда-то из полутемного угла. – Кто тебя сюда пустил, немое убожество?

Я обернулась и только теперь обнаружила двух... скорее все же дамочек, а не девочек, устроившихся на мягком полукруглом диванчике в уютной нише, где стоял всего один столик, за которым дамы и восседали.

Почему дамы? Нет, на вид они выглядели такими же юными и свеженькими, как остальные здешние обитательницы. Ну, не считая того, что одна была зеленой от кончиков волос до изящных ножек, а когда вторая слегка поерзала, устраиваясь поудобнее, у нее за спиной зашуршали и перламутрово взблеснули стрекозиные крылышки.

Так вот, дамами я их мысленно назвала скорее не из-за внешности, а из-за манеры держаться. Уверенной, вальяжной и даже с претензией на царственность.

Глава 5

– Давай, проваливай, убогим заранее не подают! Придешь вместе со всеми, нечего из себя особенную корчить! – сразу и довольно агрессивно выступила зелененькая. И уставилась на меня с каким-то нездоровым любопытством, словно чего-то ждала.

Я тоже решила подождать – не похоже, что это «официальные» личности. Не прислуга и не поварихи – ничего общего. В любом случае мне стало даже немного любопытно – с чего такое недоброжелательное обращение?

Моя реакция, видимо, удивила обеих дамочек.

– Ты что, еще и глухая? – смысл фразы ускользнул от меня потому, что я залюбовалась процессом. Впервые в жизни довелось увидеть, как невесомые стрекозиные крылышки за спиной девушки радужно сверкнули, взбили воздух почти как вертолетный винт, и фея в буквальном смысле подлетела ко мне. Настроена она была совершенно недружелюбно и на лету попыталась гаркнуть мне в ухо:

– Отдельных подачек убогим плаксам здесь не положено!

Я инстинктивно уклонилась, отступив на пару шагов, и вновь с искренним любопытством уставилась на агрессоршу. Во-первых, похоже, заклинание все еще не выветрилось, а во-вторых, когда две эти дурочки решили поскандалить, вся их «дамская» аура куда-то разом подевалась.

Остались две соплюшки, выясняющие отношения на детской площадке, никак иначе воспринимать их у меня не получалось, хоть тресни. Разве будет нормальный человек сердиться на детсадовцев и тем более принимать их агрессию всерьез?

Тем более что голосок у летучей феечки оказался мелодичным, звонким, без резких ноток, а потому противный вопль у нее не получился.

Не знаю, чего они ожидали от меня. Глазки у них блестели все тем же нездоровым любопытством, словно они специально разыгрывали некий спектакль и ждали определенной реакции публики. Мой маневр с отступлением обескуражил летучую артистку, ее даже слегка занесло, но феечка мгновенно выровняла полет и картинно уперла руки в боки, глядя на меня сверху вниз, как на строптивую козявку.

– Тебе что, помочь надо? Выход во-о-он там! – Она попыталась схватить меня за плечи и развернуть в сторону двери. Попыталась, потому что я снова ловко увернулась и почему-то не сдержала улыбки – это было так похоже на то, как моя собственная дочь в детсадовские времена пыталась выжить маму из комнаты, когда у нее там заводился «большой секрет». Правда, у дочуры секрета больше чем на полчаса не хватало, вскоре она прибегала звать меня обратно и хвастаться.

Каким-то задним умом я прекрасно сознавала, что ничего общего у крылатой паразитки с моей девочкой нет и наме-

рения у нее откровенно враждебные. И все равно... Она так смешно разозлилась. Даже крылышки теперь бились резко и сердито.

Тут ей на помощь поспешила зелененькая, которая все это время наблюдала за нами со своего диванчика. Очень грациозно и напоказ лениво девушка поднялась на ноги и направилась в мою сторону. При этом она стратегически грамотно, как сказал бы муж, заходила с левого фланга и явно намеревалась оттеснить меня к выходу.

– Тупая глухонемая эпоква, ты что, по-хорошему совсем не понимаешь?! – Феечка опустилась на пол прямо передо мной и воинственно топнула ножкой, обутой в изящную парчовую туфельку на довольно высоком каблуке. Словно козочка копытцем. Я с трудом сдержала улыбку, потому что ее зеленая подружка в этот момент тоже подобралась почти вплотную. Смех смехом, но эти «детки» были с меня ростом, их было двое, а мне совсем не хотелось участвовать в потасовке, причем в первый же день.

– Чего ты улыбаешься, мерзкая дрянь?! – Зеленая красавица между тем всерьез разозлилась, и все происходящее меня уже не веселило, а настораживало. – Еще оправдаешь свое прозвище, эпоква!

– Она какая-то ненормальная! – диагностировала феечка, снова взлетая повыше и явно готовясь спикировать мне на плечи из-под потолка. – Осторожнее, Кивайдин, вдруг кинется. У нее странная улыбка. Мало ли кого эльфы в этот

раз подсунули?

Но зеленая Кивайдин, видимо, вошла в раж и наступала на меня с самым решительным видом.

Не знаю, чего я вдруг уперлась, но маневрировать и отходить старалась вовсе не в сторону двери, как хотелось этим странным дамам, а вглубь помещения, к своему столу. Что, похоже, злило девушек все больше. Правда, фея так и парила под потолком, время от времени возбужденно попискивая и покрикивая то на меня, то на подружку. Меня ругала, ее подбадривала... но сама атаковать не торопилась.

В какой-то момент воинственной нимфе или дриаде надоели наши догонялки, и она угрожающе застыла, как-то странно поводя плечами и хмурясь. А в следующую секунду я едва не споткнулась о зеленый побег, который неожиданно вырос прямо посреди выложенного мрамором пола и теперь прицельно шарил по камню, пытаясь поймать меня за щиколотку.

Как я не взвизгнула – сама не знаю. Очень уж неожиданно вылезла эта пакость. Сначала я отскочила на полшага, но, видя, как растительная змея потянулась вслед, сделала то, чего сама от себя не ожидала.

Я прыгнула обратно и с силой наступила на самое основание побега, передавливая его, прижимая подошвой к твердому мрамору. Причем я откуда-то точно знала, что пара резких движений ногой – и я просто разможжу, перетру этот прочный, но тонкий стебель.

Росток замер под моей туфелькой как парализованный, а его хозяйка придушенно охнула.

Я подняла на нее глаза и даже испугалась — девчонка вылиняла до светло-салатового оттенка, закусил губу и тяжело дышала. Наверняка непросто было вырастить лозу сквозь камень, а тут еще... Я быстро убрала ногу со стебелька и отступила на пару шагов.

Вовремя, потому что феечка под потолком злобно взвизгнула, оскалила полную пасть остреньких зубов и понеслась на меня, вытянув вперед самые натуральные когти. Да и ее подруга очень быстро оправилась, угрожающе позеленела и обильно проросла веточками и листиками. Они все удлиннялись, тянулись ко мне с явным намерением схватить или хлестнуть по лицу.

На счастье, двери в столовую именно в этот момент широко распахнулись, а воздух зазвенел от гулко-металлического звона. И в зал ввалилась сразу целая толпа девчонок.

На секунду они замерли, во все глаза разглядывая мизансцену, а потом дружно сделали вид, что ничего не видели. И не слышали. И вообще... ничего не произошло.

Мои противницы тоже сразу опомнились и, подарив мне по прожигающему взгляду, неторопливо направились к своему диванчику.

Обедала я в этот раз, сидя за столом одна. Да-да, мои сотрапезницы дружно сбежали за соседние столы, оттуда непрерывным потоком лилось приглушенное шушуканье и

стреляли десятки любопытных глаз. Любопытных и испуганных.

А я ела и размышляла, что же это такое было вообще и зачем оно мне нужно. Умнее было выйти и дожидаться гонга, но сразу я не приняла ситуацию всерьез, а потом стало поздно. Да и... я не люблю ссор, а тем более драк, но еще больше не люблю, когда на меня вот так нагло и открыто, причем без повода, катят бочку, как говорили в моей молодости.

Я никогда в жизни первая не вступала ни с кем в конфликт, но если нападали на меня – не стеснялась ответить.

Теперь оставалось сидеть, есть и внимательно слушать. Наверняка в своем прежнем теле, несмотря на исключительный музыкальный слух, у меня бы так не получилось. Мои теперешние ушки, аккуратные, маленькие и лишь слегка заостренные кверху, совсем не похожие на огромные лопухи из японских мультфильмов, от которых без ума мои внуки, тем не менее улавливали гораздо больше, чем хотелось бы здешним обитательницам.

Постепенно из шуршания и шепота удалось вычленить три имени: уже знакомое Кивайдин (это было имя дриады), Лирилиш (похоже, так звали зубастую феечку) и О'Шия. Кто такая последняя, я пока не поняла, но догадалась, что эта неизвестная мне дама как-то связана с моими противницами.

Я продолжала неторопливо переваривать обед и сплетни, все больше вникая в ситуацию. Если я правильно уловила,

мне «посчастливилось» схлестнуться с местными примадонами. Любимыми наложницами? Нет, все же не так. Скорее, самыми старыми и авторитетными обитательницами светлой части гарема. Да-да, про темную его часть тоже наслушалась и поняла несколько вещей: там живут «твари», твари живут лучше, чем «честные светлые леди», и за это их тут дружно очень не любят. То есть не любят их вообще, за то, что они «темные», но, по-моему, эта абстрактная нелюбовь запитана на очень даже вещественную зависть.

Но с этим я решила разобраться попозже и сосредоточилась на собственных проблемах. Потому что отовсюду летело одно и то же: «Глупая эпоква... глупая эпоква... Кивайдин этого так не оставит... жалко дурочку... тс-с, ты что, хочешь с ней за компанию?!»

Честно говоря, я и сама с собой за компанию не хотела вляпываться в неприятности. Но, бросив пару взглядов в нишу, где устроились фея с дриадой, поняла, что любые мои попытки примирения будут отвергнуты, более того, восприняты с презрением. И станет только хуже. Как же все это глупо и по-детски... Ладно, буду настороже, а там посмотрим.

Обед между тем закончился, и райские птички, мелодично щебеча, стайками разлетелись кто куда, старательно не замечая меня. Вспомнив, что занятия здесь только до полудня, а дальше каждая предоставлена сама себе, я встала и покинула столовую, не дожидаясь, пока последние девчонки разбегутся и оставят меня наедине с агрессивной парочкой.

Продолжения потасовки мне не хотелось. Не сейчас.

Немного постояв у подножия лестницы, я решила подняться к себе и как следует изучить комнату. Там же какие-то вещи должны быть, я утром мельком слышала от своей проводницы, что их должны прислать мои эльфийские родственники. Кроме того, в гареме тоже обеспечивают наложниц всем необходимым. Вот пойду и проверю, что, по их мнению, необходимо мне.

Полуденное солнце крепко припекало, но чем выше я поднималась, тем отчетливее ощущался свежий прохладный ветерок, так что на свой этаж я взбежала легко и даже с удовольствием. Все же в молодом теле есть свои прелести. Я уже и забыла, что такое бегать по ступенькам. А тут взлетела на одном дыхании и даже не вспотела.

Впрочем, может, это эльфийское происхождение виновато – я еще в столовой обратила внимание на то, с какой непривычной легкостью и ловкостью уклоняюсь от нападающих. Пожалуй, я даже в юности не умела так быстро двигаться. Так что во всем есть свои плюсы.

В комнате действительно обнаружился внушительный сундучок, его поставили у стены, рядом с кроватью. Я быстро перебрала несколько платьев, почти привычное белье – очень тонкое, изящное и отменного качества, несколько пар красивых туфельек, на каблучке и без, и достала с самого дна вещь, которой обрадовалась больше всего.

Это была почти такая же гитара, как та, на которой я

импровизировала утром, но гораздо изящнее отделанная. И звук у нее оказался глубже, богаче и мягче. Прелесть!

Опомнилась я, когда колокол снова позвал всех на ужин. Поскольку соседки так и продолжали от меня шарахаться, я выждала, когда все спустятся на пару пролетов, и неторопливо пошла вниз одна.

Пару раз пришлось задержаться, чтобы пропустить девочек с других этажей. Они забавно пятились, стоило им на меня наткнуться, и при этом сгорали от любопытства, все время оглядывались и перешептывались с подругами. Не скажу, что это мне нравилось, но особенно и не мешало.

Получив свою порцию негодующего презрения от феи и дриады, я прошла к столу и спокойно села, не обращая ни на что внимания. Похоже, это только добавило ситуации остроты, потому что любопытство, опаска, презрение и даже злость со всех сторон только усилились. Не понимаю, чего они от меня ждут? Слез и истерики? Публичного покаяния? Попытки устроить драку? Ладно, разберемся.

За ужином разговоров было заметно меньше, все быстро съедали свою порцию и спешили куда-то убежать. Когда я расправилась с последним яблоком из вазочки, ко мне подошла довольно высокая, коротко стриженная блондинка, красивая обычной, человеческой красотой.

– Ты новенькая? Мне поручили отвести тебя в купальни. После ужина наложницы должны приводить себя в порядок. Пошли быстрее, а то не успеем!

Я кивнула и встала. Не сказать, что моя новая провожатая лучилась добродушием, но она выглядела спокойной и разговаривала нормальным голосом, без истеричных ноток агрессии или испуга.

Поэтому я только удивилась тому, что до купален так долго идти, а блондинка все углублялась и углублялась в каменный лабиринт гарема. Уже начиная подозревать, что дело нечисто, я все же решила посмотреть, что будет дальше. Никаких плохих предчувствий у меня не было, а своей интуиции я привыкла доверять.

И действительно. Ничего страшного не случилось. Просто моя провожатая свернула за очередную беседку и... растворилась в воздухе. Не буквально растворилась на моих глазах, просто, когда я обогнула павильон, никого поблизости уже не было. Девчонка сбежала и бросила меня одну.

Постояв пару минут, я пожала плечами и задумалась. Я никогда не страдала топографическим кретинизмом и дорогу назад сумею найти рано или поздно. Тем более что солнце заметно склонилось к закату и всю дорогу подсвечивало мраморные «джунгли» с одной стороны. Значит, по нему будет легко сориентироваться. Но зачем вообще нужно было меня сюда заводить? Я еще понимаю, если бы нас тут ждала фейско-дриадская засада. Но нет, никого...

В чем заключалась подлянка, я поняла только через час, когда выбралась к знакомой лестнице. Первая же встречная радостно поведала мне, что почти все купальни и павильоны

с бассейнами уже закрылись. И мне теперь туда – она невежливо ткнула пальцем в маленькую дверцу слева от лестницы. Оттуда как раз торопливо выбежала еще пара девчонок с мокрыми волосами. Очередные любопытно-ехидные взгляды – и все трое испарились. Хм...

Наверное, это была самая маленькая и невзрачная купальня во всем гареме. Темно-зеленые плиточные стены, каменные скамейки, несколько медных кранов, выступающих из стены над неглубокими купелями, и довольно большой бассейн посередине. Вот и вся скудная обстановка.

Зато в бассейне расположилась самая настоящая русалка. Красивая – глаз не отвести. Зеленоглазая, золотоволосая, она вся переливалась нежным перламутром, особенно роскошный русалочий хвост.

Вот только прекрасные зеленые глаза были уже привычно насмешливыми, презрительными и злыми. И улыбалась она далеко не ласково.

Русалка неторопливо выливала в свой бассейн какую-то жидкость из керамической баночки. Глядя мне прямо в глаза, она прополоскала сосуд в воде и небрежно отбросила, так, что горшок разбился.

– В следующий раз не опаздывай, глупая эпоква. А то опять ничего не достанется, – все с той же улыбкой промурлыкала она, демонстративно опрокидывая следующий горшочек. – Все девочки уже вымылись, и никто не виноват, что некоторым немym дурочкам не хватило цветочных бальза-

мов. Ах да, и управляйся побыстрее, а то через час настанет время паутины; если ты не вернешься до этого момента к себе в комнату, тебя накажут!

Мне уже стали действовать на нервы эти взгляды. Так смотрят зеваки на чужое несчастье – жадно, выжидательно и бездушно. Чего они все от меня хотят?

Русалка не дождалась реакции, фыркнула и вдруг так плеснула своим прекрасным перламутровым хвостом, что окатила меня холодной водой с головы до ног. Вот паршивка! Плеснула и исчезла. Я заметила только, как ее тень метнулась в глубине и растворилась в темном овальном пятне у самого дна.

В который раз я пожалала плечами и прикинула, сколько времени мне понадобится на то, чтобы дойти до лестницы, а потом взобраться по ней на свой этаж. Кстати, за сегодняшний день я уже успела пробежаться по ней три раза и убедилась, что фитнес превосходный. Лишний вес мне не грозит.

А теперь будем купаться. Вот только зараза с хвостом была права – намылиться было нечем.

Интересно, здесь так принято? Кто не успел, тот опоздал? Правда, я действительно опоздала, но неужели банные принадлежности выдаются строго по количеству наложниц и ни капель больше? Ой, не похоже. Вот тут возле изящного медного крана пол подозрительно скользкий. И запах каких-то цветочков сильнее. Очень похоже на то, что некая вредная рыбья сущность слила все моющие средства не только к себе

в бассейн, но просто на пол и даже сполоснуть не удосужилась как следует.

Ну, понять эту самую сущность можно. Во-первых, я все равно вроде как немая и жаловаться вслух не буду. Во-вторых, я даже не знаю, кому жаловаться-то. Главпаучихе? Так ее пойди поймай, она дама занятая, и не факт, что станет слушать новенькую, да еще заведомо временную. И потом, ну кончился шампунь... один раз. Угу, и вода горячая тоже, судя по всему, закончилась. Из всех кранов течет только холодная, а в бассейн я не полезу, мало ли что за рыбка там может вынырнуть. И что, поднять крик, что это трагедия и заговор? А не этого ли от меня все ждут? Вот то-то же...

Впрочем, где наша не пропадала. Местные жительницы знать не знают, что такое дефицит и советская торговля. А я в то время жила и детей рожала.

Исккупаться хотелось ужасно, и я устроила экспресс-обыск купальни. То, что удалось обнаружить, больше всего напоминало размокшее мыло, по качеству недалеко ушедшее от хозяйственного. Может, они этим пол моют? Или стирают? Хотя вряд ли, я ни одной гаремной дамы с постирушками не заметила.

Подумав немного, волосами я решила не рисковать. Для начала намазала тыльную сторону предплечья и терпеливо выждала, развлекая себя тем, что вспоминала уловки и полезные навыки времен развитого социализма.

Мыло оказалось неядовитое, аллергии не возникло, а на

холодную воду нам плевать. В Москве живем... то есть жили. Отключением горячей воды нас не удивишь.

Олимпийскими темпами намылившись и ополоснувшись, я решила все же поэкспериментировать с одной прядью. Моя новая золотисто-блондинистая шевелюра со вчерашнего утра была заплетена в роскошную косу-корону вокруг головы и заколота какой-то хитрой и вычурной штучкой явно магического происхождения. Эльфочки-парикмахерши заверили меня, что прическа благодаря этой заколке продержится «два солнца и две луны», то есть – как я перевела для себя – двое суток. Причем я за это время могу поспать, побегать, поездить верхом и даже постоять на голове.

Срок годности моей прически истекал уже скоро, и я не стала ждать, чтобы посмотреть, как она волшебным образом сама развалится. Просто выдернула заколку из волос и расплела конструкцию.

М-да... хорошо, что в комнате я нашла хотя бы минимальный набор каждой уважающей себя носительницы волос. Два гребня, набор простых заколок и шпилек, круглую щетку с жесткой щетиной, а больше мне и не нужно.

Когда меня причесывали другие, это было как-то не так заметно, а теперь обнаружилось, что шевелюра в распущенном виде падает ниже попы, и при этом она густая и немного вьющаяся.

Нет, кто бы спорил, за такие волосы половина теток из моего мира удавится на собственном крысином хвостике. Да

и я, наверное, тоже бы такую хотела... в молодости. Походила бы с месяц и откромсала все это богатство к чертовой бабушке, потому что одно дело любоваться, а другое – мыть, ополаскивать и расчесывать, когда у тебя вместо шампуня и кондиционеров шиш с хозяйственным мылом.

Пока стричься было жалко. Одну прядку я намылила и прополоскала под холодной водой. Посмотрим, как она будет выглядеть завтра. Но в любом случае мы не можем ждать милостей от природы, темного властелина и гаремного начальства. Давай, Вера, вспоминай молодость.

Неторопливо заплетая тугую длинную косу, я вспоминала множество опробованных в юности рецептов. Когда-то мы их переписывали друг у друга в толстые клеенчатые тетрадки и хранили как зеницу ока, делились опытом с подругами, обсуждали и экспериментировали. Искали доступные средства или какие-то заменители недоступных.

К сожалению, большинство необходимых ингредиентов можно было найти только на кухне, куда доступа у меня нет, и неизвестно, появится ли. Но сегодня на ужин опять были мед и творог, а утром нам давали кашу, очень похожую на овсянку, с кусочками свежих фруктов. А за обедом на столике стояла большая ваза с различными плодово-ягодными изысками, в числе которых обнаружился вполне себе привычный лимон.

А еще я выяснила, что где-то в северо-западной части гарема есть выход в сад. Правда, местные обитательницы ту-

да не ходят. Не потому, что запрещено, а... Это вообще был очень интересный, хотя и короткий диалог между двумя девицами. Конечно, никто из них не собирался меня просвещать, и, конечно, я его подслушала.

Девушки очень негодовали из-за незрелого винограда на их столе и сетовали, что вот в саду... если бы не отвратительные темные твари, не эти мерзкие восьминогие отродья... рядом с которыми просто противно находиться любой порядочной наложнице.

С восьминогими тварями я уже познакомилась. И судя по тому, что особенного отвращения так и не испытала, до порядочной наложницы мне далеко. А вот травы в саду собрать – это очень хорошая идея.

Закончив с вечерним омовением, я переоделась в чистое, аккуратно вытерла мраморный пол перед купелью, собрала полотенца, расческу и рачительно прихватила из купальни пустые емкости из-под злодейски вылитых хвостатой сущностью косметических средств. Правда, пришлось залезть в очень красивую ажурную, но явно мусорную корзину и выбрать целые.

Ну, мне же надо будет в чем-то заваривать, смешивать и взбивать то, что я собираюсь приготовить? А горшки и баночки для этой цели очень подходящие – небольшие, глиняные, покрытые глазурью и с довольно плотными крышечками. Не думаю, что их кто-то хватится, вон, побросали как попало, не только в мусор, но и на пол. Свинюшки, а не дев-

чонки. Во всех смыслах.

Глава 6 (третий день)

Еще с вечера у меня был составлен четкий план действий. Как я и предполагала, прядь, промытая псевдохозяйственным мылом, выглядела тусклой и плохо расчесывалась. То есть использовать его для мытья волос в чистом виде нельзя.

Но как основа для великого множества разных средств – лучше не найти, потому что промывает и обезжиривает оно на редкость качественно.

Поднялась я задолго до противного верещания будильника, выбрала из своих вещей просторную, длинную, всю в живописных складках тунику. Убедилась, что при желании под ней слона можно спрятать, и взялась за работу.

Шелковая рубашечка почти такого же скучного персикового цвета, как туника, была безжалостно распорота, и я, радостно помолившись всем богам, которых помнила, открыла изящную шкатулку с набором для вышивания. Эта чудная коробочка обнаружилась в моем сундуке с вещами и была полна настоящих сокровищ: нитки всех цветов, прошва, пяльцы и, главное, набор иголок! А ножницы? Плевать на неудобные ручки в виде изогнутых птичьих шеек, главное, они были отменно острыми.

К завтраку туника обзавелась потайными втачными карманами чуть ниже пояса, на привычных по прежнему миру местах. Теперь я половину столовой могу вынести, и никто

даже не заметит!

Этим утром я внимательно приглядывалась к сервировке стола, к подаваемым продуктам, но ничего не пыталась забрать с собой. Во-первых, за мной наблюдало слишком много любопытных глаз, а мегеры нечеловеческого происхождения так и вовсе едва во мне дырку взглядами не просверлили. Ну и главное, не тащить же полные карманы снеди на занятия?

А вот за обедом, нетерпеливо отбив все обязательные «уроки», я занялась хищениями. Впереди свободное время, да и гримзам надоело все время на меня пялиться. Так что момент был очень удобный.

Несмотря на экзотику паучье-человеческого вида, яблоки здесь выглядели как яблоки, виноград – как виноград, лимоны, опять же... и на вкус все было родное и привычное.

Конечно, кашу в карман не положишь, а вот лимон – очень даже. Розетка с медом была любезно снабжена плотной крышечкой, так что, завернув ее в платок, выкроенный из остатков рубашки, я сунула в карман и эту добычу.

Заодно в карман отправилась обыкновенная столовая ложка. Ведь я твердо намеревалась найти выход в сад, а выкапывать разные полезные растения пальцами – непродуктивно. Конечно, можно было еще и вилку утащить для рыхления особо твердой почвы, но я решила, что слишком уж наглеть не стоит.

Вооруженная до зубов, я в числе первых выбралась из сто-

ловой, постаравшись затеряться в толпе. А потом, никем не замеченная, юркнула за поворот и уже спокойно направилась на поиски выхода в сад.

Нашелся он всего через полтора часа блужданий по обширной гаремной территории. Сориентироваться по солнцу получилось быстро, но вокруг было столько красивого и интересного, что я не торопилась. Одни мраморные статуи на маленькой площади чего стоили! Их тут было несколько десятков, изображали они в основном играющих детей или молоденьких девушек и казались живыми.

Налюбовавшись, я отправилась дальше и вскоре вошла под очередную каменную арку, на этот раз поросшую мрачноватым на вид темно-зеленым плющом с мелкими резными листьями.

Ну... сад как сад. Я бы даже сказала – парк. Огромный, не то чтобы запущенный, но на первый взгляд диковатый. Это на территории гарема были ровные дорожки, клумбы, подстриженная живая изгородь и прочие изыски садовой архитектуры. А здесь тропинки петляли между огромными мощными стволами, некоторые из которых были сплошь увиты самыми разными плющами и лианами. Выскочишь на полянку – трава по пояс, а по краю заросли кустарника – и колючего, и цветущего, и даже ягодного. Настоящий лес, чего уж там!

Я – городской житель и столичную суету всегда любила, прекрасно в ней себя чувствовала. Но лес... это была сказка

в моей жизни. Я ни разу не заблудилась, всегда умела правильно выбрать направление, спокойно отдыхала, устроившись в траве, ночевала и в палатке, и просто в спальном мешке. Грибы, малина, земляника, черника, зверобой, душица, хмель... орехи. Каштаны на Кавказе собирала, когда возила детей в санаторий. Если бы я не родилась в Москве, в семье музыкантов, – точно вышла бы замуж за какого-нибудь лесника и уехала жить в чащу.

По местному чудному парку-лесу я сначала просто гуляла и наслаждалась, лишь примечая то тут, то там разную полезную флору. И вновь задумалась о том, как мне повезло.

Вот попала бы в какую-нибудь марсианскую пустыню, и черт их знает, какие кактусы там съедобные. А здесь полно знакомых растений. Незнакомых, правда, еще больше. Ну так я не специалист-ботаник, хоть и эльфа вроде бы, но пока никаких названий в голове не всплывает. Да и ладно, в родном мире я тоже далеко не всегда могла определить, что это за трава и съедобен ли очередной гриб.

А вот элементарные вещи в моем возрасте не знать – это надо постараться. Или жить где-то подальше от многострадальной родины. Ибо, оказавшись в сорок с небольшим перед лицом озверелого капитализма, разросшегося на обломках того, что было нашей жизнью, любая выжившая домохозяйка могла не только крапиву по лесам собирать и консервировать на зиму все, что неосмотрительно выросло под забором. Но и с лету «белка глаз стрелять», как выражался

знакомый мужа с далекой Камчатки.

Интересно, кто-то из ровесниц моей внучки сумеет зарезать и выпотрошить курицу, заботливо выращенную на дачном участке? А кролика? М-да... вряд ли я сумею подстрелить дичь, и зарезать смогу только в крайнем случае, а вот приготовить, при наличии котла и костра, запросто.

За этими мыслями я не заметила, как забрела в самую чащу, но вскоре почувствовала, как справа тянет свежестью и прохладой, миновала очередной царапучий малинник и выбралась к озеру. Боже, какая красота!

Не прудик, а именно озеро, вытянутое, большое, чистое. Противоположный берег тонет в густой зелени, а здесь бежевый песок под ногами уходит в такую прозрачную воду, что видно, как в глубине резвится стайка каких-то мальков.

Искушение с ходу нырнуть было велико, но я сдержалась. Делу время, потехе час. Вот тут на берегу и начнем сбор полезных ингредиентов. Вон какие шикарные заросли одуванчиков там, где парковая трава граничит с пляжем.

Я вытащила ложку и алчно подступила к одному из цветков. Хорошо, что никто не мешает, сад на удивление пустынен, пока гуляла – никого не встретила, кроме полчищ мелких разноцветных паучков, деловито снующих в траве и среди кустов. Кстати, на облюбованной флоре тоже сидела парочка, я очень аккуратно, с помощью травинки, спихнула их в ложку и отправила гулять по соседним зарослям. Нет, мне не противно было и руками их потрогать, тем более эта ме-

лочь была ужасно смешной, глазастой и пушистой. Но незнакомые насекомые – это незнакомые насекомые. Вдруг они не любят фамиллярностей и чуть что – кусаются?

Нет, я помню, что паук – не насекомое. Но кусаться они умеют и в нашем мире, а в чужом – тем более лучше сначала познакомиться, а потом руки тянуть.

Паучья мелочь сердито удалилась в траву, а я сосредоточилась на работе. И прозевала появление еще одного восьминогого.

– Что ты тут делаешь, светлая? – Голос, раздавшийся откуда-то сверху, был довольно резким, с отчетливыми нотками неудовольствия.

Я, конечно, вздрогнула от неожиданности, но быстро успокоилась. Оставила в покое тщательно окопанный кустик одуванчика, отложила ложку и только тогда подняла глаза.

Ух ты! Мальчиков-паучков я уже видела, бабушку-паучиху тоже... а теперь такая чудная девочка. Во-первых, она была хорошенькой, как картинка. Вся, начиная с человеческой части и до покрытого нежно-золотистым пушком паучьего брюшка. Кроме того, все восемь паучьих лап оказались гораздо более пушистыми, чем у парней, а еще – полосатыми. Словно на них надели веселые мохнатые чулки в коричнево-желтую полоску.

Я встала с колен и улыбнулась:

– Привет! Одуванчики собираю.

– Что? – Пораженная паучишка нервно переступила лап-

ками и уставилась на меня во все глаза.

Глазки у нее были тоже очень симпатичными – большими, круглыми, светло-янтарными с солнечными искрами. Вьющаяся мелким бесом копна на голове тоже отливала солнышком. Не паучок, а сказка. Даже жилетка у нее словно поблескивала. Красивая, бирюзово-синяя, из расшитой узорами кожи. По фасону похожая на ту, в которую был одет мой скакун, только выточки под небольшое декольте и полы с разрезами.

– Одуванчики. Вот, – приветливо протянула я ей свою добычу, стараясь при этом не делать резких движений, чтобы не спугнуть. – У них все части растения полезные, но особенно листья и корни.

– Для чего... полезные?

По-моему, паучья девочка была уверена, что я с визгом побросаю свои пожитки и убегу как можно дальше от сада, и теперь не могла поверить собственным глазам. И ушам. А еще она на всякий случай не подходила слишком близко, но при этом очень независимо задирала немного курносый носик и старалась показать себя хозяйкой положения.

– Для волос и для кожи, – охотно пояснила я, огляделась, выбрала место, где трава погуще, и села. – Можно сделать отвар или настой, протирать лицо и ополаскивать волосы. Иди садись рядом, если тебе интересно, я расскажу и о других полезных растениях.

Несколько секунд паучиха колебалась, но любопытство

победило. Близко она все равно не стала подходить, опустилась на землю шагах в трех, уютно подобрав под себя все восемь лап. И склонила голову к плечу, разглядывая меня, мои руки и мою добычу.

– Зачем тебе средство для волос, ведь в гареме все есть? – задала она резонный вопрос.

– Не хочу просить, – пояснила я, аккуратно обрывая и раскладывая листья одуванчика на расстеленном платке. – То одно кончится, то другое... проще самой все сделать и ни от кого не зависеть.

Паучишка даже рот приоткрыла, сидела и таращилась на меня как на неведомую зверушку. Похоже, мысль о независимости оказалась для нее не просто новой – революционной.

Потом она нахмурилась и выдала:

– Мужчины должны обеспечить все необходимое, их не нужно просить. Их много, они должны работать, охранять и строить.

– Это ваши мужчины. – Мне казалось, что я угадала. – В смысле... ваша раса. А я тут одна, никаких мужчин-эльфов поблизости. Вот и приходится все самой делать.

– Тебе не нужны эльфы! – возмущенно фыркнула собеседница. – Ты наложница повелителя и не должна думать о других самцах!

– Ну я же не пойду за шампунем прямо к повелителю, верно? – покладисто объяснила я. – Он один, а нас в гареме...

много. Странно будет, если каждая станет требовать от него, чтобы он ее обслуживал.

– Э... так не положено. Он – повелитель! Он не должен... у него нельзя требовать!

– Во-от! У него требовать нельзя, просить других женщин мне не нравится, остается что? Собирать одуванчики.

Паучишка какое-то время молчала, видимо переваривая новую информацию. Потом посмотрела на меня с возросшим интересом:

– Да, у женщин просить не так приятно, как у повелителя, ты права.

– Ну вот видишь. – Одуванчик был уже обработан: соцветия отдельно, мясистые листья отдельно, корни отдельно. Я встала и пошла прополоскать их в воде. – Вот сейчас заготавливаю несколько разных трав, потом заварю их, настою, добавлю в мыло, и готово.

– Ты же вроде эльфа? Как тебя зовут? – Похоже, моя новая знакомая засомневалась в моем происхождении.

– Эльфа, ага. А зовут... – Посвятив все утро воспоминаниям, я все же выудила из памяти примерное звучание собственного имени. Очень примерное, но из него совершенно точно можно было выкроить короткое и простое «Дэн» или, может быть, «Дин». Подумав, я решила остановиться на самом простом варианте.

– Дина. А тебя?

– Какое-то неэльфийское имя, – озадачилась паучишка.

Я пожала плечами и молча улыбнулась, примериваясь к шикарнной крапиве, разросшейся чуть дальше, в тенечке.

— Ну ладно... А я Ришшика. Пока просто Ришшика, но скоро у меня будет настоящее имя клана и свое гнездо. Не трогай эту траву, она жжется!

— Не беспокойся, я знаю. — Обернутая все тем же платком ладонь была продемонстрирована будущей владелице своего гнезда. — Зато она очень полезная, а когда ее польешь горячей водой, то жечься перестает.

Похоже, все эти травки-муравки всерьез заинтересовали Ришшику. А может, ей любопытнее было наблюдать за мной, она сразу и честно сказала, что такой странной эльфы в жизни не встречала. Но в результате мы прекрасно провели время до самого вечера, облазили весь берег, набрали всяческой зелени, и я твердо пообещала поделиться потом результатами своих трудов на почве лечебной косметологии.

Паучишка только сначала держалась настороженно и на расстоянии, но потом привыкла и уже через полчаса болтала как заведенная о том, что ей интереснее всего. А я слушала и впитывала информацию из паучьей жизни.

Как я и думала, девочка оказалась совсем молоденькой, только-только вступившей в пору девичества. Уже не ребенок, но еще не женщина. Именно такие паучихи попадали в гарем повелителя, где жили несколько лет до наступления зрелости, или, как выразилась Ришшика, «возраста соития». Девочка вслух мечтала о том, что повелитель найдет ей са-

мый сильный клан, оставшийся без «матери арахнов», и она станет главной аррграу. А затем повелитель поможет отстроить самое неприступное и просторное гнездо и будет брать ее детей на службу в свою крепость.

Я кивала и мотала на ус. По всему выходило, что властелин использовал собственный гарем как инкубатор для будущих верных сторонников. Умный мужик, что сказать. Уважаю.

Двумя-тремя наводящими вопросами я незаметно свернула новую знакомую на другие не менее интересные темы, но уже касающиеся непосредственно гарема и его устройства. И опять узнала много нового и занимательного.

Оказывается, «настоящие леди» живут только в отдельных домах у западной стены, и их немного. Все леди – в высшей степени воспитанные, образованные и родовитые... темные.

Вернее, Ришшика этого слова как раз не произносила, но, когда она начала перечислять видовую принадлежность каждой, я и сама догадалась, с какой стороны тут лампочка светит. Арахна, вампирша (а кем еще может оказаться «женщина клана крови и сумерек»?), ночная дриада, дочь оркского шамана, пещерная леди... остальных я сразу не запомнила, но они тоже не выделялись на общем «сумеречном» фоне.

Так вот, эти леди и есть настоящий гарем, а там, в каменном доме, живут одни глупые куклы, слабые, противные и вредные. Господин ими пользуется, потому что любит раз-

нообразие. Потом дарит их кому попало, или в награду, или в наказание, это уж как повезет отличившемуся соратнику. А то ведь «куклы» бывают не только средней вредности, но и повышенной стервозности. Причем так просто подобную «радость» уже не выгонишь и не убьешь – все ж таки подарок властелина.

Короче, у темных и светлых леди было неофициальное, но вполне оформленное неприятие друг друга. Правда, до военных действий не доходило и дамы держали вооруженный до зубов нейтралитет, лишь изредка обмениваясь колкостями при встрече.

Хорошо еще, встречались они нечасто – темные не ходили в «каменный двор», а светлые не совались в сад. В основном потому, что до порсячьего визга боялись кишмя кишущих там «младших братьев».

Тут Ришшика прервалась и уставилась на меня с новым любопытством. Пришлось подтвердить ей, что я никаких братьев не боюсь, а восьминогие мне вообще всегда нравились. Особенно мохнатые и разноцветные. Особенно если неядовитые. Да, я очень странная эльфа. Но ведь так гораздо интереснее? Вот и ладушки.

Кончилось тем, что в сумерках Ришшика проводила меня короткой тропинкой до самой арки, помогла перенести целый стог разнообразного сена (жадность никто не отменял), а по дороге поведала, что, к сожалению, общих купален у темных леди нет, потому что каждая принимает ванны в соб-

ственном доме. Но зато может приглашать туда гостей... если я захочу.

Я горячо заверила новую подружку в том, что захочу непременно, но завтра, а то сегодня поздновато по гостям ходить. Как раз заварю нужные снадобья и принесу уже готовое.

Когда я добралась до своего этажа, стало понятно – мое отсутствие заметили, более того, кое-кому оно не давало покоя весь день. Очень уж любопытными взглядами провожали меня девчонки и очень уж красноречиво шушукались за моей спиной. А мое сено и вовсе произвело фурор. Но подойти и спросить прямо ни одна не решилась, а я не горела желанием что-то объяснять.

А вот в комнате передо мной во весь рост встала другая проблема: где взять кипяток для заварки. Маленькая раковина в туалете была, но из крана, хоть тресни, лилась только холодная вода. И ничего похожего на переключатели температуры я не нашла.

Разложив добычу на полу и на столике, я пошла ужинать и вернулась через полчаса, вновь с полными карманами. Первым делом выгрузила к травкам еще один лимон, кисточку винограда и пару абрикосов. А медовый коржик положила на салфетку и полезла под кровать.

Этот эксперимент я затеяла еще вчера. Меня до крайности заинтересовало то черное пушистое, что приносило мне ужин в первый вечер. Но оно больше не показывалось. Хо-

тя явно бывало тут в мое отсутствие, потому что пыль была всегда вытерта, а вещи, которые я могла оставить на кровати, обнаруживались аккуратно сложенными в комод.

И я решила пойти проторенным путем под названием «подлизаться к домовому». Поскольку мохнатушка в прошлый свой визит драпанул не куда-нибудь, а прямиком под кровать, в самый темный угол, там я вчера и оставила пирожок на гостеприимно расстеленной салфетке. И не поленилась дважды высказаться на тему, что это угощение специально для него. Один раз вслух, а другой мысленно, как с мадам главной паучихой.

Утром пирожка не было, и я почти уверена, что ночью сквозь сон слышала чье-то аппетитное чавканье.

Так что, пристроив коржик в уголок, я еще раз пригласила «некта» прийти и угоститься, а сама пошла пытать кран в надежде добиться от него горячей воды. Нет, в крайнем случае я тут лампадку видела, непонятно на чем работающую, но огонек в ней был живой и вполне горячий. Если постараться, по полстакана в горшочке вскипятить можно. Только очень муторно.

Дверь в санузел я нарочно не закрыла, очень хотелось услышать, если пушистый гость все же соблазнится хрустящим лакомством. Но вскоре я так увлеклась, что обо всем забыла. Измывалась над несчастной сантехникой самым извращенным образом. Тянула, дергала, гладила, крутила, дышала на нее, чуть ли не облизывала. Ей-богу, с мужиками в

свое время так не изгалялась.

– У-у-у? – спросил вдруг кто-то у меня прямо за спиной.

Я едва зеркало лбом не расколотила от неожиданности, но сумела обернуться медленно, почти спокойно. Черный мохнатый шарик моргал на меня совиными глазами, заглядывая в дверной проем.

Глава 7 (...по девятый день)

– Ищу, как включить горячую воду, – зачем-то вслух объяснила я мохнатому шарiku, для наглядности ткнув пальцем в неподдающийся кран.

– О-о? – Чернушка вытянула мохнатую лапку в сторону раковины и снова удивленно захлопала... захлопал... захлопало на меня глазюками.

Я вдруг вспомнила о разговоре без слов и мысленно спросила: «Как тебя зовут?»

Чудо едва ли не шарахнулось от меня за дверь, но потом с опаской переступило лапками по кафелю и уставилось на меня испытующе. Молча.

«Меня зовут Дина, а тебя?» – терпеливо и громко подумала я еще раз.

Оно застеснялось. Отодвинулось дальше за дверь, отвело глазки. Пискнуло что-то... а потом в моей голове тонкий скрипучий голосок четко произнес: «Шойшо».

«Очень милое имя! – обрадовалась я и, пока чудо не засмущалось окончательно, предложила: – А хочешь еще коржик? У меня есть».

Шойшо непроизвольно сглотнул и облизнулся. Их тут голодом морят или он так любит сладкое? Почему он? Не знаю. Голосок в голове был совершенно нечеловеческий, но абсолютно точно мальчишеский. Уж в этом-то я могла довериться-

ся своей интуиции опытной вокалистки.

Видно было, как сомнения раздирают этот симпатичный шарик с глазами, но наконец тот же голосок в голове застенчиво скрипнул: «Хочу...»

«Ну так пойдем, я тебя угощу!» – все так же мысленно позвала я и плавно, без резких движений, скользнула к двери.

Шойшо отпрыгивать не стал, но отодвинулся все еще опасливо и вообще держался от меня на расстоянии вытянутой руки. Так что последний припасенный с ужина коржик я протянула на раскрытой ладони и приветливо улыбнулась: «Ешь на здоровье!»

Он долго колебался, но, когда протянул лапку, коржик только и успел хрустнуть, даже крошки не упало на пол, а лохматый любитель выпечки уже облизывался длинным узким розовым язычком и блаженно жмурился, поглаживая себя по животу.

«Спасибо! – Сколько счастья в голосе, самой приятно. – Дина ломала кран? Зачем? Жалко! Трудно чинить!»

Вопрос, заданный с искренним любопытством, застал меня врасплох.

«Я не ломала. Я хочу, чтобы из него полилась горячая вода».

Шойшо опять захлопал на меня своими невозможными, по-совиному янтарными глазищами.

«Дина не видит горячую воду? Шойшо покажет!»

Покажет – и слава богу, я кивнула и пошла следом за

лохматушиком в санузел. Но все оказалось не так просто. Шарик с глазами влез на раковину и, оглянувшись на меня, ткнул лапкой в синюю рыбку справа от зеркала. Эти водоплавающие в изобилии украшали кафельную стенку, образуя что-то вроде затейливого подводного узора.

«Вижу. Рыбка, – покладисто подумала я. – Красивая. Их здесь много».

Я обвела рукой развеселый аквариум, изображенный на стене.

«Дина глупая! – укорил меня любитель коржиков и даже шерстку над глазами поднял дыбом, словно нахмурил. – Смотри хорошо!»

«Смотрю-смотрю», – заверила я, пряча улыбку.

В самом деле, обижаться на Шойшо не хотелось ни капли, он так забавно поучал. Кроме того, меня не оставляла надежда получить кипяток. Надувшись от важности, а может, просто от осознания торжественности момента, Шойшо пустил воду, потом демонстративно поднес лапу к указанной рыбе и надавил.

Раковина мгновенно наполнилась паром, а звук льющейся воды изменился, как бывает всякий раз, когда вместо холодной струи в нее бьет кипяток. Я восторженно ахнула, отложив на будущее странное ощущение – словно на грани слышимости кто-то позвонил в хрустальный колокольчик.

В итоге я провела насыщенный и полезный вечер. Шойшо, когда освоился, оказался хоть и застенчивым, но очень

милым собеседником. Даже несмотря на его манеру изъясняться короткими предложениями в третьем лице. Оказалось, что его народ называется улеши и давно и прочно живет в крепости повелителя на правах симбионтов. Они получают еду, какую-то особую энергию и защищенный дом, где могут вырастить потомство, а за это выполняют разные мелкие бытовые поручения. Причем на глаза особо не показываются. «Воины-много-ног», как обозвал пауков Шойшо, на них просто не обращают внимания, а вот женщины большого дома почему-то часто кричат и кидают разные вещи.

Сладостями ребенка еще никто ни разу не угощал, имя не спрашивал и вообще не пытался поговорить. Одно это очаровало местного домовушку настолько, что он долго не хотел уходить, даже несмотря на то, что коржиков у меня больше не было. Сладкое доставалось улеши редко и только в награду за какие-то немыслимые трудовые подвиги. Так что два моих коржика можно было расценить как пир горой, а обещание принести завтра добавку вызвало полный восторг.

Правда, я сначала расспросила Шойшо, не вредно ли ему есть плюшки каждый день, может, не зря их просто так не дают? Но оказалось, что в стародавние времена, когда улеши заключили договор с повелителем, они просто не знали о такой замечательной вещи, как сладости. Старейшины тогда четко оговорили размер и состав пропитания на каждого члена общины, с тех пор эти продукты им и выделяются в нужном объеме. И только иногда им случайно переппадают

остатки лакомств, которые распределяются среди особо отличившихся. А просто так угостить малявок никому в голову не приходило.

Также выяснилось, что самовольно что-то взять и использовать улеши не могут. Они только разносят и раскладывают по местам то, что велено. Попросить, скажем, того же шампуня я у него не смогла бы. Ну, с другой стороны, меня охватил особенный хозяйственный азарт, и просто так получить желаемое было бы неинтересно.

Спать я улеглась довольная, вдыхая аромат заваренных трав и с мыслями о том, что завтра будет еще один интересный и полный событий день.

Утро мое опять началось задолго до кошмарного будильного воя. Дело в том, что вчера на прощание Шойшо показал мне еще одну интересную особенность моего санузла. Оказывается, душ там все же был, но мало кто из девушек им пользовался, а новенькие часто не подозревали о такой возможности.

Все оказалось по-спартански просто. Кроме рыбок – регулировщиков горячей и холодной воды, на которые надо было нажимать по очереди, чтобы добиться нужной температуры, на стене обнаружилось еще одно полезное водоплавающее. Если ткнуть в него пальцем и подержать секунд десять, в полу что-то щелкало и под сдвинувшейся плиткой открывался слив. А из стены над раковиной выскакивала большая лейка с мелкими дырочками. Вот и вся сантехника. Тесненко,

бедненько, зато никуда идти не нужно.

Вечером я решила пренебречь головомойкой, быстро сполоснулась и упала спать. Устала за день. А вот теперь настало время уделить своей красоте больше внимания.

И травы уже настоялись, и глина белая, чистый каолин, которую я с помощью Ришшики нашла и наковыряла с маленького обрывчика в глубине сада, уже размокла и разделилась на фракции.

Я аккуратно слила однородную, похожую на сметану жижу в другой горшочек, а осевший на дно песок и мусор смыла в унитаз. Теперь сюда немного меда, совсем немного мыла... и вуаля! Советское воспитание не пропьешь, как говорится. Было времечко – я и глину искала, и разбиралась, какая годится голову мыть, а какой только боты пачкать, и домашние шампуни готовила... эх. Приятно вспомнить молодость.

Травяные настои и лимонный сок прекрасно заменили кондиционер для волос, подсохшая грива легко расчесывалась и красиво блестела. И пахла весьма недурно. К тому моменту, когда заиграла «утренняя песнь», я была бодрa и свежа, как одуванчик после дождя.

Ох, как перекосило физиономии у главных вредин всея светлого гарема, когда я, сияющая, как ясно солнышко, чуть ли не танцующей походкой направилась к своему столу! Я даже подумала, что сияние надо бы уменьшить, раз оно так задевает некоторых, но потом решила – какого черта, собственно? Хотят вредничать – пусть их. Это не повод притво-

ряться кислятиной.

Весь завтрак главвредины шептались в своей нише, причем на этот раз они позвали к себе за стол еще трех незнакомых девушек. А когда те вернулись на свои места, волна «шу-шу-шу» захлестнула зал с новой силой. Я увлеченно поглощала кашу с фруктами и старательно делала вид, что ничего не замечаю. Вплоть до момента, когда сидящая за соседним столиком блондинка вдруг выдала в полный голос:

– Фу... не понимаю, как так можно? Это неприлично, в конце концов! Если кому-то нравится ходить грязнулей, это не значит, что окружающие должны нюхать вонь немытого тела!

Я догадалась, конечно, что это камень в мой огород. И поняла, откуда растут ноги у этого минерала. Я ведь так и не пошла вчера в общую купальню. Как чувствовала, что меня там ждут. И теперь заговорщицы пытались убить одним ударом двух зайцев – отыгаться за вчерашнее бесплодное ожидание и вынудить меня все же посетить местный храм гигиены.

Хмыкнув себе под нос, я взяла из вазы крупное яблоко и демонстративно впилась в него зубами, даже не обернувшись к скандалистке. Чем подстегнула ту к действиям. Девчонка возмущенно подпрыгнула и в три шага подлетела к моему столу.

– Я тебе говорю! Ты что, еще и глухая?! От тебя воня... – Поскольку блондинка возмущалась не просто так, а накло-

нившись ко мне и чуть ли не уткнувшись носом мне в макушку, не почувствовать запах трав и лимона она не могла. И замолчала, растерянно хлопнув ресницами.

Воспользовавшись ее замешательством, я спокойно и доброжелательно улыбнулась, а потом взяла еще одно яблоко и протянула его девушке.

Похоже, я была не права, посчитав блондинку фейско-дриадской подпевалой. Потому что она возмущалась совершенно искренне и скандалить понеслась, движимая праведным гневом. Поэтому очень растерялась, обнаружив, что подняла бучу на пустом месте.

Яблоко она взяла, возможно все еще пребывая в растерянности. Посмотрела на меня пристально и вдруг тоже улыбнулась:

– Извини. Спасибо. – И отошла на свое место.

Зал не просто всколыхнулся, он загудел, как растревоженный улей. Но больше желающих меня понюхать не было.

Не знаю, что они там себе надумали, только в следующие три дня ко мне никто не приставал, но и не подходил с попытками пообщаться. Было похоже, что гарем взял время на обдумывание, а пока дружно сделал вид, что меня не существует. Правда, когда я поздним вечером ради интереса заглянула в общую купальню, ту самую, где в первый вечер хвостатая коза облила меня водой, то обнаружила, что горшочки от бальзамов все так же девственно пусты, а пол возле сливного отверстия по-прежнему скользкий и пахнет цвета-

ми. Ну-ну...

Мне, если честно, это даже нравилось. Вроде и драки нет, и в то же время в жизни присутствуют некоторые стимулирующие воображение и смекалку трудности. Да если бы не это — я уже от скуки взвыла бы.

При том, что недостатка в общении не ощущалось. Ришика встречала меня у входа в сад, а дальше болтала как заведенная обо всем на свете, пока мы гуляли или собирали дары природы.

Я даже успела побывать у нее в гостях и высоко оценила отличную купальню, больше всего похожую на турецкий хаммам.

В первый мой приход мне пришлось останавливать неумный исследовательский интерес новой подружки к моим косметическим средствам, потому что она так воспылала, что готова была перемазаться несчастными тремя отварами — одуванчика, лопуха и крапивы — с головы и до самых восьми пяткок. С трудом удалось ей втолковать, что шерсть на лапах — это не вполне волосы, собственно, и втирать в нее что попало не стоит.

Но уже к вечеру, когда мы наготовили еще больше самого разного травяного варева, паучишка, нанюхавшись этой природной химии, натывавшись в нее пальцами и некоторые даже попробовав на вкус, утратила значительную долю своего энтузиазма. Нет, кое-что ей понравилось, но вот для брюшка и лап, скажем, лучше подходили специальные пау-

чьи средства, которые выдавали в гареме.

Несмотря на настойчивые рекомендации Ришшики, я мазать себе ноги и живот этими средствами отказалась – меня на эксперименты не тянуло. Нет уж, я еще по прежнему миру помню, что, когда женщина делает эпиляцию, испанская инквизиция нервно курит в сторонке. Эльфийское тело было гладенькое, даже «зона бикини», и случайно отрастить там шерсть мне не хотелось совершенно.

Вот так проходили мои дни. Милая болтовня с Ришшикой и природоведческие опыты чередовались с занятиями и походами в столовую.

А вечера мне скрашивал любитель сладостей. Шойшо настолько проникся доверием, что пару раз даже позволил себя погладить. Странное ощущение, как будто скользишь ладонью по теплому туману, он густеет под пальцами и слегка пружинит.

А на четвертый день новой жизни у меня появилась еще одна знакомая.

Мы сидели на берегу, Ришшика на травке, а я на удобной полузатонувшей коряге, над самой водой. Было жарко, и, сбросив балетки, я беспечно болтала ногами в приятно прохладной воде. Пока не почувствовала, как что-то жгуче цапнуло меня за щиколотку.

Мгновенно выскочив на берег, я наклонилась и обнаружила крупную синевато-черную пиявку, сладострастно терзающую мою лодыжку. Боль уже почти прошла, и я решила

подождать, пока паразитка сама не отвалится. Вряд ли в озере на территории гарема водятся ядовитые твари. В крайнем случае, Ришшика меня бы предупредила... Я посмотрела на паучиху и поняла, что волноваться не о чем. Она разглядывала мою ногу с интересом и удивлением, но без испуга.

Поняв, что я в очередной раз не собираюсь визжать и устраивать скандал, она вдруг укоризненно сказала куда-то мне за спину:

– Глупые шутки! Вылезай, Рени, я тебя видела!

Спокойная вода под корягой, прямо в том месте, где я болтала ногами, всплеснулась, и на поверхность вынырнула недовольная мордашка с надутыми губами. А потом знакомо плеснул перламутровый хвост.

– Ты не испугалась, что ли? – разочарованно спросила меня русалка, выпрыгивая из воды и боком усаживаясь на корягу.

– Испугалась, конечно, – улыбнулась я, рассматривая новую знакомую. Она выглядела моложе вредины из бассейна, а чешуя под перламутровой пылью была антрацитово-черной, как и роскошные длинные волосы. – Кто угодно испугается от неожиданности. А у тебя есть еще пиявки?

– Еще? – очень удивилась русалочка. – А... а тебе зачем?! Если запустишь их в бассейн во внутреннем гареме – найдут и накажут, я про... кхм. Нельзя так делать.

– Нет, что ты! – засмеялась я, подошла поближе и опять села на коряжку, но теперь на ту ее часть, что нависала над

узким песчаным пляжем. – Просто у них слюна очень полезная для разных косметических зелий. Кстати, меня зовут Дина, а тебя?

Русалку звали О’Рения. Она оказалась веселой и шепучной, но при этом весьма практичной особой, себе на уме. Пиявок она мне согласилась принести только в обмен на корзинку со спелой малиной. Пришлось полазить по кустам, но в целом я сочла обмен честным. Русалочка тоже не из воздуха пиявок добыла, а плавала на другой конец озера, туда, где дно заросло камышом и ряской. Она, кстати, посоветовала мне пользоваться пиявками как положено – отсасывать дурную кровь. И даже рвалась показать, в какие места их лучше всего сажать. Но я ее убедила, что с кровью у меня пока все хорошо, а сама очень вовремя вспомнила о своем желании поэкспериментировать со слюной пиявок.

Где-то полгода назад внучке назначили сеансы гирудотерапии в Пастеровском центре на Неглинке. Процедуры там проводили днем, так что вместо работающей мамы возить ребенка припахали пенсионную бабушку со свободным графиком. И чтобы Аринка не боялась, мы с ней заранее облазили весь интернет и посмотрели все ролики о пользе пиявок, об их жизни, повадках и прочем использовании в народном хозяйстве. В частности, там было показано, как «подойти» кровососку о край фарфорового блюда, а потом добавить эти слюнки в детский крем.

В той жизни, правда, я так и ограничилась теорией – из-

деваться над медицинскими пиявками нам с внучкой никто не позволил.

Зато теперь решилась рискнуть. Пиявка энергично протестовала, извивалась и всячески призывала Гринпис, но каплю слюны я из нее выдавила. И на пробу добавила ее в баночку Ришшикиного крема для рук.

Результата было решено подождать две восьмицы, а потом сравнить ту руку, которую мазали слюнями, с той, которой достался неапгрейденный крем.

Да, здесь в каждом месяце было тридцать два дня, чтобы было удобно делить на восемь, а месяцев в году – шестнадцать. Это я календарь в доме у Ришшики обнаружила и незаметно, чтобы не вызвать подозрений, его изучила. С названиями месяцев пауки не заморачивались, просто рассчитав их по порядку номеров, как первоклашек на линейке. И первым временем года шла не зима, а весна, что, по-моему, было очень логично. Именно весной начинается новый год в природе.

А часов в местных сутках, к счастью, было, как и в моем мире, двадцать четыре. Вот минут в часе – шестьдесят четыре. Но к этому я довольно легко привыкла.

На занятиях я старалась не выделяться, особенно это касалось музыки, после обеда бежала в сад, вечером занималась прикладной косметологией. Я не заглядывала далеко вперед и жила настоящим. Вообще, мою легкомысленность сможет понять, наверное, только тот, кто постарел и свyksя

с кучей возрастных проблем, болячек и ограничений. А потом вдруг разом вернул себе молодость. Это абсолютно непередаваемое чувство легкости, ясности и волшебной яркости ощущений. Когда можно просто бежать вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, и наслаждаться каждым вздохом, каждым движением. Плавать, валяться на траве, лазить по деревьям... жить как в первый день творения.

Муж, дети, внуки, привычный мир – все как будто ото-двинулось далеко-далеко и вспоминалось как прекрасное, но очень давнее прошлое. По некотором размышлении я решила, что это все из-за заклинания. И поскольку понятия не имела, как долго еще оно будет действовать, старалась как можно плотнее занять себя, не оставляя времени на рефлекссию и воспоминания. Безделье всегда порождает проблемы, а мне бездельничать было некогда. Срифмовать очередную сентиментальную чушь, изобразить цветочек, подумать, из чего можно сделать щеточку для ресниц... увильнуть от пристального и недоброжелательного внимания соседок. Я уставала за день так, что вечером падала в постель и мгновенно отключалась.

Не то чтобы совсем незаметно, но как-то довольно быстро прошли восемь дней, то есть неделя, по-местному – восьмица. А на следующий день случился самый настоящий праздник – вдруг обнаружилось, что даже наложницам в гареме положены выходные. Я, правда, не поняла всей сложной системы, по которой вычислялись «индивидуальные дни от-

дохновения», кроме того, что в этом принимают участие фазы луны и рекомендации властелина, но выходному искренне обрадовалась. Мне до зубовного скрежета надоело малевать кривоватые розочки и рифмовать «рыбки» и «улыбки». А несчастные преподаватели, по-моему, хотели отдохнуть от моих шедевров даже больше, чем я сама.

Так или иначе, в этот день я сбежала в сад еще до утренней песни. Как оказалось, перед самым рассветом покидать комнаты никто не запрещал, просто до меня тут не было ни одного настолько ненормального жаворонка.

Утренний туман плыл над озером и путался в камышах. Трава была мокрой от росы, и я скинула балетки, чтобы пройтись босиком. Лес звенел особенной предрассветной тишиной, сотканной из сотен живых волшебных нот.

Бутоны водяных лилий, похожие днем на бледные восковые свечи, сейчас были чуть приоткрыты и излучали неяркое светло-голубое свечение. Над живыми фонариками то и дело вились радужные стрекозы, чьи крылышки сверкали отраженными бликами. Я настолько засмотрелась на это чудо, что опустила на песок у самой воды и потому не сразу заметила крупную тень, бесшумно спустившуюся к противоположному берегу. За мгновением испуга последовал тихий выдох облегчения: устрашающий силуэт оказался лишь знакомым мне мальчишкой-паучком. Точнее, сначала я догадалась, что это какой-то паук, потом поняла, что он черный, а потом уже разглядела знакомое лицо. Это был тот самый

паук, который привез меня сюда. Мадам паучиха называла его Ррашшардом.

Приглушенный свет отражался на его волосах и брюшке, окрашивая их в нежные голубоватые оттенки. Парень с почти детским любопытством вглядывался куда-то в глубину и будто бы тихонько перебирал конечностями, едва касаясь поверхности озера. После пяти минут таких вот метаний восьминогий неуверенно зашел в воду передними лапами, причем несколько раз отступал и отряхивался. Неужели он, как кот, воды боится? Умилительные создания!

Но вдруг началось что-то совсем непонятное. Паук немного постоял, видно привыкая к ощущениям, и резко начал... барабанить лапками по воде! Это что еще за ритуал?

Понять назначение столь странного действия мне удалось буквально сразу, потому как с другой стороны озера промелькнул подозрительно большой рыбий хвост. Еще через пару вздохов над водой, практически у самых паучьих ног, всплыла аккуратненькая хрупкая девчушка. Надо же, а у кого-то тут свидание!

Знакомая мне русалочка медленно подплыла к пауку вплотную и плавно начала гладить ему лапки, с каждым разом поднимаясь по ним все выше и незаметно затягивая парня глубже в воду. Когда вода уже достигла брюшка, девочка поднялась еще чуть выше и резко сжала сочленения. Из горла арахнида раздался тихий стон, а передние лапки ослабленно подломились, отчего он оказался в воде практически

по человеческий пояс.

А я некстати вспомнила свои поползновения к вынужденному транспорту. Это что ж получается, раз у них там эрогенная зона, то я его при куче народа домогалась? То-то остальные пауки так ехидно стрекотали.

М-да, спасибо «товарищу фендюлию» за наше прекрасное... знакомство. Все же в трезвом уме я не стала бы так нахально лапать незнакомого парня за эрогенные места. Впрочем, это все равно было весело. И понятно, почему мальчишка так ошалело на меня оглядывался. Эльфийских маньячек здесь раньше не водилось.

О'Рения, а это точно была она, не теряла времени зря. Явно имея в этом немалый опыт, она стащила с паука массивный кожаный пояс с огромной, как по мне, бляшкой посередине и лихо закинула его ему на брюшко, практически не намочив. Так вот вы какие, бронетрусы!

К моему сожалению, знакомых мне мужских половых органов там не оказалось, лишь привычные глазу пластины, разве чуть более мелкие и, видимо, излишне мягкие. Хвостатую, в отличие от меня, это не смутило, она со знанием дела начала растирать два передних щитка, стараясь не забывать и о чувствительных лапках восьминожки.

Самое интересное, что я совсем не чувствовала себя вуайеристкой, скорее, это было похоже на просмотр программы «В мире животных». В голове только жгучий интерес и вопрос: «А как это у них вообще получится?»

Но не прошло и минуты, как градус происходящего начал стремительно меняться.

Русалка затянула паука еще глубже в озеро, отчего брюшко скрылось под водой, а на поверхности осталась лишь его практически полностью обнаженная человеческая часть и край пластин, которые медленно начали открываться.

Я непроизвольно сглотнула слюну, осматривая представившуюся картину. В предрассветных сумерках, озаренные лишь тусклым сиянием магических цветов, в воде стояли невероятно красивые парень и девушка. Все, что указывало бы на их нечеловеческую природу, сейчас надежно прятала темная озерная гладь.

Юноша чуть склонился, мимолетно лизнув краешек девичьего уха, а затем и прикусив его. Русалочка мило засмеялась, а затем резко опустилась вниз, обратив мое внимание на убедительный такой аргумент мужского возбуждения, гордо приподнимающийся над водой. Что ж, мои предположения о наличии и местонахождении данного агрегата подтвердились.

Русалочка вплотную приблизила черноволосую головку к паху и хищно облизнулась, мелькнув мелкими заостренными зубками, совсем не испугавшими юношу. Наоборот, он требовательно потянул ее еще ближе, зарываясь ладонью в длинные мокрые волосы. Девушка и не думала смущаться, а с очередным звонким смешком усердно принялась вылизывать угощение. Мне пришлось даже немного приподняться,

чтобы наблюдать за дальнейшей сценой, но, увы, даже с моим зрением я могла видеть лишь водопад русалочьих волос, постепенно исчезающий под водой, да круги по поверхности водной глади от ритмичных совсем недвусмысленных движений. Зато вид на паука открывался по-настоящему незабываемый.

Напряженное лицо с закушенной прядкой волос, играющие желваки и затуманенные поволокой желания глаза. И все это в изумительном свете, в сопровождении тихих, на грани слышимости, стонов, раздающихся из сжатых губ.

Первый луч солнца искристо рассыпался по водной глади, когда вода вокруг увлеченной друг другом парочки вдруг взбурлила, вспенилась, как если бы паук одновременно заработал всеми восемью лапами. Так оно и было на самом деле, потому что парень, глухо взрыкнув, напряженно откинулся назад, почти скрываясь под водой, но тут же «всплыл», огласив утренний сад серией сладких стонов и вздохов. Мускулы человеческого торса красиво напрягались и расслаблялись, запрокинутое лицо блестело от пота...

Русалочка вынырнула только через минуту. Довольная, она облизывалась, как объевшаяся сметаны кошка, и продолжала ласково гладить свою «жертву» всюду, куда доставали ее проворные руки.

Завтракать я шла задумчивая и погруженная в себя. Интересно, у кого бы невзначай выпросить, насколько тут свободные нравы. Потому как в гареме вроде бы полагается раз-

влекаться властелину, а не его охранникам. С другой стороны, может, у повелителя аллергия на рыбу? Или право на «использование» наложниц выдается по графику, в виде поощрения? Ну а что? Властелин хоть и крут, но ведь не железный. А тут целый колхоз неудовлетворенных баб.

Главное, мне совсем не хотелось выдавать шаловливую молодежь, если все же такие развлечения запретны и наказуемы.

Хорошо, что занятий по случаю выходного не было. Я давно вынашивала мысль позагорать на утреннем солнышке. Вот и вернулась к озеру сразу после завтрака. Поплавала в прохладной водичке, стараясь не коситься на те кусты, в которых на рассвете кипела бурная сексуальная жизнь, потом выбралась на песок, расстелила прихваченное из комнаты покрывало и задремала.

Разбудило меня негромкое «Кхм!», раздавшееся над головой, и упавшая на меня тень.

Глава 8 – Виланд

Некоторое время назад...

«По прибытии во дворец временного управляющего эльфийским поселением № 4 нам было оказано крайнее неуважение в лице жителей данного района. Ворота поселения были закрыты, не предоставлена встречающая делегация. Лишь через пятнадцать минут к нашей группе вышли представители города, а должный пиетет был достигнут только с применением ментальной силы».

Что ж, эльфийское поселение номер четыре всегда отличалось крайним неуважением в лице жителей... Тьфу ты, черт!

Грашшард – отличный воин, но письменное изложение событий не самая сильная его сторона. Зато он очень наблюдателен и пока еще вполне терпим к этим самым жителям эльфийских поселений. Правда, раз начал стимулировать «пиетет» ментальной силой, значит, выдержка уже сдает. Но управляющего тоже понять можно, ведь запас высоких леди у них в поселении не бесконечен и они его исчерпали еще лет так пятьдесят назад, если не ошибаюсь. Плодovitость у эльфов низкая... М-да... Вот и не радуются они, когда их очередная, с трудом найденная седьмая вода на киселе покидает мой гарем вперед ногами или перекинутой через плечо одного из моих генералов. Нет чтобы поблагода-

ритель за выгодный брак и радоваться, что пауки гаремов не держат. Точнее, держат, но туда скорее уж эльфийский герр попадет, чем леди.

Хорошая шутка, кстати, надо попросить Илуватора запустить сплетню о том, что я решил одаривать своих арахнидок молодыми наложниками. Пусть светлые рожи понервничают...

Злорадно усмехнувшись, я устало откинулся в кресле и с тоской посмотрел на оставшуюся кипу документов. С большинством проблем справляются мои доверенные наместники и советники, но их-то отчеты приходится проверять именно мне. Доверяй, но проверяй...

Иногда ошибка возникает не по злому умыслу, а по вине человеческого фактора. А порой по вине этого же фактора возникают проблемы, разрешить которые некоторым доверенным товарищам ума не хватает.

Вот, например, орки взяли и захватили поселение дриад. Не со зла, а в воспитательных целях, потому что одна из дриад отказала сыну вождя орков. И за это все мужчины племени взяли и... оплодотворили... небольшой лесок.

М-да... И чего вот королева дриад теперь нервничает? Подданные у нее зеленые, орки тоже не рыжие, цветовая гамма совпадает идеально! Ну, будет поколение слегка более крупных девиц, поселят их на окраине, делов-то. Нет, даже до меня с этой проблемой добрались, настырные бабы.

Так-с... «Выделить участок под дубовую рощу...», «рас-

положение участка одобрено ее величеством...» – и?.. В чем печаль? Кары для орков за содеянное нет? Я что, похож на идиота, который будет проверенных временем бойцов наказывать за то, что они толпу соблазнительных баб по соседству поимели? Ладно, сейчас покараю... Хм...

Вновь злорадно усмехнувшись, я вывел на жалобе: «Все орки, принимавшие участие в оплодотворении дриад, приговариваются к пожизненному уходу за дубовой рощей, а также полностью отвечают за удовлетворение живущих в ней дриад». Пусть в следующий раз думают, кого можно насилловать, а кого лучше стороной обходить.

После еще десятка подобных дел я снова вернулся к докладу Ррашшарда.

«Транспортируемый объект, именуемый далее Наложницей, не присутствовал в положенном месте, а находился в стороне, пребывая в состоянии сна. Предположительно Наложница была опоена сильными психотропными веществами, а также подвергнута неумелым заклятиям немоты и подчинения, повлиявшим на ее психическое и умственное состояние. Данные выводы также подкрепляются ее дальнейшими поступками и эмоциями. Наложница не испытывала страха и отвращения, в эмоциях преобладали любопытство и, возможно, сексуальное влечение».

Сексуально озабоченный объект, именуемый наложница... Маньячка-эльфийка... Психически неуравновешенная сексуально озабоченная маньячка-эльфийка в моем гареме.

Немая...

Черт, я должен на это посмотреть!

Так, что там дальше?

«Она свободно не раз прикасалась к лапам арахнидов в моем лице, а также к стыкам на них».

Она что? Прикасалась к лапам в лице Ррашшарда? И все его шестьдесят четыре подчиненных это видели! Бедолага! Звание картушшергерра, оказывается, таит в себе совершенно внезапную опасность быть изнасилованным объектом, именуемым наложница.

На мой громкий смех в кабинет заглянул слегка удивленный охранник. Убедился, что у меня все в порядке, и вновь скрылся за дверью.

«После отказа Наложницы ехать в карете ей был предложен альтернативный вариант поездки верхом, на что транспортируемый объект без колебаний согласился. Как оказалось потом, данная пересадка была обусловлена желанием Наложницы изучить и, возможно, поиздеваться над представителями нашего вида. В течение поездки объект откровенно распускал руки, облапал все, до чего смог дотянуться, и даже засунул пальцы между тазовыми пластинами. После двадцати минут пути Наложница наконец соизволила заснуть, и дальнейший путь был проведен без эксцессов».

Нет, прежде чем я вернусь к остальным документам, мне надо отсмеяться от души. Это же надо! Даже между тазовыми пластинами руку засунула? Чем ее опоили, интересно?

И неумелое заклятие слегка напрягает... Нет, если бы было что-то действительно опасное, Рраушшана бы мне сообщила. А раз уже сутки прошли и все помалкивают, значит, эльфийская маньячка больше никого в гареме не облапывала...

Вспомнив старичка-преподавателя из какой-то полузабытой родственной друидам расы, я вновь развеселился так, что охранник опять заглянул, убедиться в моем прекрасном самочувствии.

«В ходе операции выявлена способность объекта к ментальной магии» – а вот это уже не смешно. Сексуальную озабоченность можно свалить на неумелое заклятие и даже воспользоваться ей по назначению, но откуда у светлой эльфийки способность к ментальной магии? Разве что у нее в роду были иллитари, и тогда надо потребовать от этого поселения номер четыре еще один объект... исключительно светлого производства. Производить они не очень любят, конечно. Но это потому, что их бабам процесс совсем не нравится.

Вообще-то, я не против того, чтобы эльфы совсем закончились, но среди них встречаются вполне нормальные. Илуватор, например. Так что придется продумать, как простимулировать у них рост рождаемости. Пообещать раздать всех бездетных эльфиек оркам?

Воспользовавшись артефактом связи, я уточнил у Рраушшаны, что «объект, именуемый по документам леди Диндэниэль», прибывший вчера вечером, действительно слегка со странностями, но не опасными для остальных девушек. И

панику Ррашшарда ответственная за покой гарема не разделяет, а вот его совет держать новую наложницу на расстоянии и присмотреться – одобряет.

Что ж, эльфиек я уже пару раз пробовал, по молодости, больше не тянет. Дети деревьев, дриады, таким бревном не лежат, как эти светлые прекрасные полешки. И характер у них или агрессивно-стервозный, или капризно-нервный, или депрессивно-плаксивый. Причем такое ощущение, что мне в гарем как раз именно третий вариант и скидывают последнее время, если верить отчетам Рраушшаны. В первый день у окна сидит и молчит, во второй день у окна сидит и глаза платочком утирает, а на третий день рыдает у себя в комнате и чахнет, чахнет, чахнет...

Вспомнив, как смешно ойкала предпоследняя из малахольных статуэток, когда ее будущий муж на свадьбе за задницу пощипывал от нетерпения, я снова усмехнулся. Тролли – мужики с юмором, найдут, чем скучающую эльфийскую леди развеселить. Пощекочут в процессе, если захотят признаков жизни, или в ухо гаркнут, чтобы подпрыгнула. Придумают что-нибудь, я в них верю.

Но наличие у очаровательного бревна ментальной магии подозрительно, и моя паранойя настойчиво пытается испортить мне настроение... Черт! Не убивать же девчонку сразу? Пусть помучается немного, пока Рраушшана к ней присматривается.

Тут дверь в очередной раз приоткрылась. Странно, вро-

де не смеялся громко, с чего бы охраннику нервничать? Но, увидев того, кто вошел в кабинет, я понимающе улыбнулся: Илуватор решил отдохнуть от вечернего разбора проблем своих сородичей.

Да уж, не совсем честно я поделил обязанности со своим первым советником, поручив ему урегулировать все межэльфийские склоки на высшем уровне.

– Всегда удивляюсь, как ты можешь заниматься всем этим с такой довольной рожей.

Стройный, тонкокостный до хрупкости, невысокий, с идеальными чертами лица и застывшим на нем презрительным высокомерием. Благородный лорд одного из Высоких Домов...

– Ты свою-то попроще сделай, пока никто, кроме меня, не видит. Пить будешь?

– Расслабляться нельзя ни на секунду, иначе испорчу себе репутацию самодовольной сволочи, – менторским тоном произнес Илуватор и таким же тоном уточнил: – Только не то орочье говно, которое мы пили позавчера. У тебя есть что-то приличное?

– Нектар от фей? – Рассмеявшись, я щелкнул пальцами, снимая невидимость со встроенного в стену бара. – Поройся... Но эльфийские вина я тут не держу, ты же знаешь.

– У тебя дерьмовый вкус на баб и выпивку. – Поджав губы, Ил скептически оценил пять рядов бутылок, словно впервые их видел. – Гномий самогон? О боги! Разве мы не выпили

его две восьмицы назад?

— Это новая бутылка, — усмехнулся я. — Свято место пусто не бывает...

— Вот вроде не такая мерзость, как все остальное. — Ил поставил на стол рябиновую настойку от дриад. Меня внутренне передернуло в предвкушении того, как все слипнется после пары рюмок этого напитка.

— Что, достали тебя сородичи? — сочувственно поинтересовался я, после того как эльф залпом влил в себя целую стопку.

— Не будем о грустном, — отмахнулся Ил. — Пришлось сменить одного управляющего, а это, как ты понимаешь, чревато пришествием делегации его родственников с попытками отыскать у меня совесть и воззвать к чувствам. Раздражает ужасно.

— Еще бы! — понимающе кивнул я. — Когда пытаются найти то, чего у тебя нет и не было...

— Заткнись! — Ил хлебнул еще стопку. — Если бы не твой приказ, я бы просто послал этих ноющих... в лес!

— Нет, так нельзя, — злорадно хмыкнул я. — Завоеванные расы не должны чувствовать себя окончательно угнетенными, пока соблюдают все условия. Кстати! У меня тут очередная эльфийская наложница прибыла.

— Да уж, ее прибытие уже весь дворец обсудил. Эльфийка верхом на арахниде. Позор на обе головы. Только не говори, что она уже начала рыдать и петь печальные прощальные

песни, с тоской глядя на солнце через решетку окна, вместо того чтобы выйти во двор. Ее же только вчера вечером привезли, рановато вроде бы.

Илуватор уставился на меня, ожидая продолжения темы. Естественно, просто так я бы не стал упоминать о новой наложнице в гареме. Предвкушая реакцию Ила, я протянул ему доклад Ррашшарда.

Эльф перечитал его несколько раз, отложил в сторону, налил себе еще стопку настойки и отпил где-то треть, задумчиво поглядывая на отчет моего паука.

– Приказ убрать уже отдал? – поинтересовался он наконец.

– Да вроде бы рано пока, – пожал я плечами. – Девчонка со странностями, конечно. Но Рраушшана считает, что ничего опасного.

– Эльфийка с даром ментальной магии? По меньшей мере очень странно. – Илуватор нахмурил свои идеальные брови и осуждающе посмотрел на меня: – Давай мы ее хотя бы изолируем?

– В подземелье? – с ехидством уточнил я.

– Можешь сначала к себе в спальню, – отбил подначку Ил. – А потом уже в подземелье. Только сначала оглуши ее парализующим заклинанием.

– Думаешь, не замечу большой разницы? А вот Ррашшард пишет, что дамочка очень активная.

– Это она после заклинания. Возможно, сейчас ей уже ста-

ло лучше и она вновь ведет себя как обычная эльфийская леди. – Илуватор вдруг снова нахмурился: – К тому же криво наложенное заклинание может маскировать другое, наложенное вполне себе прямо. Давай все же изолируем эту ма-
ньячку, мне спокойнее будет.

– Да ты бы всех от меня изолировал, если тебе волю дать, – рассмеялся я. – Ладно, с тобой хорошо, а у меня еще вон тут целая кипа отчетов. Я от них весь день бегал в надежде, что они исчезнут.

– Уже столько лет живешь и все веришь в сказки? – Ил встал, сочувственно взглянул на пачку бумаги, возвышающуюся над моим столом. – Они только увеличиваются за день. Кстати, у тебя на завтра посол...

– Вот бы его послать... – Я мечтательно поднял глаза на хрустальную люстру и тоскливо вздохнул. – Разве об этом мы мечтали, когда все это началось, а?!

– Ты-то точно не об этом, а о землях, подходящих для гнезд арахнидов, думал. Вот и расплачивайся теперь. Сто три года как этих земель – весь мир! Арахнидок не хватает, чтобы гнезда создавать... А у самого времени на личную жизнь нет.

Посмотрев на мое лицо, Илуватор сразу заткнулся, но настроение от внезапно всплывших воспоминаний уже испортилось. Черт! Столько лет прошло, но иногда – как фаербо-
лом промеж глаз.

Ил прав, для гнезд мне бы и трети всего нашего мира хва-

тило. Оставшуюся часть я завоевал от злости и чтобы доказать, что могу. Не столько себе, сколько другим... другой.

Доказал. Завоевывать было гораздо проще, чем поддерживать на завоеванной территории мир и порядок. А уж про бумажную волокиту, дипломатические танцы с бубнами и, главное, про постоянные попытки «подарить» или «сосватать» мне жену никто не предупреждал!

Хорошо, Праушшана в нужный момент подсказала вариант решения, куда эту толпу подаренных баб пристроить. Теперь лучшие представительницы всех имеющихся рас живут в моем гареме, и для всего мира я официально называю их своими воспитанницами. Илуватор уверен, что они – заложницы – сами себя воспринимают наложницами...

Нет, конечно, какую-то часть я успеваю протестировать, прежде чем пристроить в хорошие руки. Но их же там под две сотни, да еще и с постоянной ротацией... К тому же очень утомляют их наивные попытки удержать мое внимание, желательно – забеременеть.

Да еще молодые арахнидки соревнуются друг с другом, чтобы понравиться мне и заслужить право самой выбрать место для гнезда, а старших самцов – из лучших моих воинов. Знают, что я и так не обижу, но все равно между собой постоянно соперничают из-за моего взгляда или слова! Так что наиболее симпатичных мне девчушек я тоже в гарем переселяю, под присмотр Праушшаны.

Как-то еще в начале всей этой бодяги с воспитанница-

ми-заложницами я одной человеческой девчонке, принцессе какой-то само собой, подарил коробку конфет за хорошую ночь. Ее за это соседки чуть не задушили подушкой, хорошо, сигнальная охранка сработала.

То есть, если раз трахнул – понравилось, но второй раз не хочется, надо сразу дарить кому-нибудь. А если не понял, хочется или нет, значит, нужно отселять в отдельный домик. Но если потом вдруг пришел еще пару раз и надоела – обида смертная. Не пришел ни разу, решив, что не так уж сильно понравилось, чтобы хотеть повтора, – вообще враг на всю жизнь...

Почему не пришел? Почему пришел поздно? Почему пришел уставший? Ты меня больше не любишь? А что ты мне принес в подарок? А давай ты избавишься от гарема...

Р-р-р-р!

Поэтому в любом случае, понравилась или нет, я теперь действую только так: поимел – отдал. И никаких проблем. Понравилась – озаботился поиском и пристроил в надежные хорошие руки, не понравилась – пусть сидит и ждет, когда кому-то потребуется.

Но какая в таких условиях может быть личная жизнь?

Зря Ил эту тему поднял. Сам-то ушел давно, а мне до сих пор на документах не сосредоточиться.

Так, ладно. Что у нас здесь? Гномы и тролли не поделили пещеру, передрались и теперь просят разрешения на войну? Черт! Ладно, вышлю им завтра делегацию под охраной

одного картушшера арахнидов. Пусть присмотрят за этими вояками, чтобы сражение не перешло в обычное побоище и чтобы обязательно потом заключили мирный договор.

Через пару часов, уже практически засыпая, я написал резолюцию на последнем документе. Разрешение на смену династии в одном из человеческих государств, отказ в поддержке и новому, и старому правителю (сами бучу устроили, пусть сами и расхлебывают), пожелал последнему удачи и пообещал позаботиться о судьбе его дочери, а первому – озаботиться потомством женского пола, если он собирается спокойно править, иначе я его кандидатуру не одобряю.

Широко зевнув и посмотрев на висевшие на стене часы, я понял, что сегодня личная жизнь повернулась ко мне задом.

Если у Ила репутация самодовольной сволочи, то у меня – неутомимого любовника. Я даже шутку том, что за ночь могу удовлетворить всех своих наложниц, слышал. Причем говорилось таким серьезным тоном, что я сам поверил. Так что спокойно заснуть в постели можно только в одиночестве, иначе вся репутация кентаврам под хвост.

Глава 9 (9 день)

Открыв глаза, я машинально дернула на себя покрывало. Нет, я не стеснялась собственного тела. Даже в прошлой жизни не была ни ханжой, ни жеманницей. Но тем не менее незнакомый мужик в двух шагах – это не та аудитория, перед которой я готова за просто так щеголять пусть даже великолепно сложенным телом.

Набросив край покрывала на плечи и прикрыв ноги другим его концом, я вежливо поздоровалась:

– Добрый день.

– И вам хорошего дня, леди Диндэниэль, – хмыкнул незнакомец, в упор и с интересом разглядывая меня, причем не только то, что я постаралась прикрыть. С гораздо большим интересом он изучал мое лицо.

Надо сказать, посмотреть было на что. Мне с большим трудом удалось сдержаться и не подпрыгнуть от радости – наконец-то я хоть имя свое знаю! А то «Дина» – это, конечно, хорошо для близкого неформального знакомства, но мало ли где-то пришлось бы представляться полным именем, а у меня тут склероз в полный рост.

– Солнечные ванны принимаете? – между тем поинтересовался мужчина, глядя на меня с легким ехидством.

Я в ответ только улыбнулась и кивнула, рассматривая собеседника и стараясь угадать, кто он и откуда тут взялся. Я

как-то привыкла к мысли, что гарем – это не проходной двор, потому и разлеглась тут в неглиже со спокойной душой.

– И чем же вам здешний сад приглянулся? – Похоже, незнакомец чувствовал себя как дома и развлекался вовсю.

Вообще, он был немного странным. В смысле, внешне мужик как мужик, симпатичный, по меркам старого мира – около тридцати, стройный высокий брюнет... в черном шелковом халате с густо-синей отделкой и в тапочках. Вот последний одуванчик ставлю на то, что это у него именно тапочки домашние на ногах. И халат выглядит не нарядом восточного вельможи, а просто удобной домашней одеждой.

Пока я все это рассматривала, великовозрастный хулиган вдруг сделал вроде бы незаметное быстрое движение рукой, и мне прямо на едва прикрытый покрывалом живот шлепнулся крупный – с вишню – мохнатый паучок.

Я вздрогнула от неожиданности, а несчастное восьминое в шоке застыло, таращась на меня всеми многочисленными глазами и поджав лапки. Нет, ну это уже хулиганство, и вообще, я против издевательств над животными. Так что глянула на так по-детски развлекающегося взрослого парня неодобрительно, потом осторожно сгрузила паучка на ладонь и перенесла к ближайшему кустику травы.

– Беги, мелкий, больше тебя швырять не будут, – заверила я, искоса следя за шутником.

Похоже, он, как и все, ожидал от меня визга и бешеных скачек голышом по берегу, лишь бы подальше от страшного

зверя. Паучок же на моей ладони как-то внезапно успокоился и вразвалку утопал в заросли одуванчика.

– Вы любите пауков? – приятным баритоном осведомился незнакомец, изумленно приподнимая бровь.

Лицо у него стало очень заинтересованным. При этом он был весь такой расслабленный и держался слишком уверенно для простого гостя. В халате и в тапочках... гуляет по гаремному саду... хм. Может, конечно, кто-то из очень близких приближенных...

– Да, они очень симпатичные. Не надо, пожалуйста, больше ими кидаться.

На мою просьбу мужчина опять отреагировал неопределенным насмешливым хмыканьем и снова принялся разглядывать меня, теперь уже всю целиком, словно сканируя сквозь тонкое покрывало.

– Вы не возражаете, если я оденусь? – вежливо поинтересовалась я. – А то как-то некрасиво с моей стороны беседовать с вами в таком непрезентабельном виде.

– Конечно, леди, если вам так будет комфортнее, – услышала я в ответ и слегка зависла, потому что одновременно с этим и совершенно отчетливо этот странный господин сказал совсем другое: «Ну что вы, леди, вид у вас очень даже... презентабельный». Вот хоть тресни, кажется мне, что кто-то мысленно покатывается со смеху.

«Так что я, наоборот, даже настаиваю, чтобы вы оставались именно в таком... виде!» – продолжал веселиться па-

разит.

И как отвечать? На то, что слышала ушами, или на то, что уловила... мозгами?

– Ну, если вас это не смущает, – пожала я плечами, невольно улыбнувшись и вспомнив несравненную Фаину Раневскую.

«Учитывая то, что я уже оценил все, что нужно... А что не разглядел, то додумал».

Так. Мужик. В гареме. В халате и в тапочках. Стоит спокойно, веселится и рассылает всякие разные ментальные ехидства. А это не?..

– Дина, смотри, какие жирные! Ой... Приветствую вас, повелитель!

Ну, собственно, вынырнувшая из-за коряги О'Рения подтвердила то, о чем я сама уже почти догадалась. Я склонила голову к плечу и посмотрела на собеседника новым взглядом. Все же первый настоящий властелин на моей памяти, да еще так близко. Пощупать можно.

Так, похоже, кто-то бессовестно подслушивает чужие мысли... иначе с чего бы он так развеселился и вспомнил «бедного защупанного Ррашшарда».

Вредный какой... а на вид не страшный. Как бы даже наоборот. Из черноты у него пока только халат в наличии, помогаться с ходу не стал, то есть не кролик. Хотя, может, не успел, конечно.

Кстати, что-то я невежливо с повелителем – сию тут...

все же не просто мимо мужик шел.

Я встала, поправила покрывало, чтобы не сползло, и еще раз склонила голову, теперь уже в почтительном поклоне:

– Повелитель.

Русалочка между тем явно не знала, куда пристроить свою добычу – десяток крупных жирных пиявок. Похоже, после бурной любви в прибрежных кустах девочке захотелось заполировать удовольствие спелой малиной. За просто так эта подводная выжига даже хвостом шевелить отказывалась, не то что пиявок ловить.

– Кстати, хорошая малина за южной аллеей, а вы где собираете? – Теперь повелитель уже и не скрывал, что моя голова для него – открытая книга, и отвечал сразу на мои мысли.

Нет, надо что-то сообразить, а то мало ли что я могу представить... чур меня от повелителя с корзинкой малины на голове... нет-нет, я даже и не думала о таком!

Тем более что я же слышу... или чувствую... или... вот кривой смычок, я совсем запуталась. Но мне этот властелин, чтоб он был здоров, про малину распинается, а сам где-то на заднем плане ржет как ненормальный и все повторяет, что бедный Ррашшард спалился, не видать ему теперь ласк эльфийской леди.

В этот момент повелитель вдруг перестал веселиться и очень серьезно посмотрел мне прямо в глаза. А потом...

«Откуда у вас ментальный дар такой силы, леди Диндэниэль?»

«Что вы помните из своего детства, леди Диндэниэль?»

«Зачем вам пиявки, леди Диндэниэль?»

Ох ты... как петть хором, я знаю. А вот как можно хором думать?! Как он умудрился задать все три вопроса одновременно, причем с одинаковой властной интонацией?!

– А... ответ на какой вопрос вам нужен в первую очередь?

– А сколько вы слышали?

– Три, – честно призналась я. – Про пиявок вам действительно интересно?

– Очень, – совершенно искренне ответил мужчина и вновь стал похож на ту ехидину, которая швыряла в меня пауками.

– У них слюна полезная. – Похоже, судьба у меня такая – просвещать местное население о разных свойствах флоры и фауны.

Кстати, надо бы несчастных кровососок у русалки отобрать, а то она их сейчас раздавит...

«Я-то об этом знаю, а откуда об этом знаете вы? – Нет, у него и ментальные интонации с ядовитинкой, подумать только. А сам вторым планом еще и подначивает: – Продолжайте, продолжайте, очень интересно. Неужели эльфы уже и до пиявок добрались?»

Вот тут я уже посмотрела на здешнего повелителя всея и всех более внимательно. И оценивать перспективы пришлось мгновенно, не пускаясь в долгие раздумья, потому что их бы он прочитал. Да он и прочитает... в любой момент. Так что нечего и огород городить с секретностью.

«Я об эльфах только сказки читала, да и те... очень противоречивые. Извините». – И улыбнулась.

«Когда у вас проявился ментальный дар такой силы и откуда вы свалились на моего паука, леди Диндэниэль?»

«Хороший вопрос. Если бы я еще знала ответ, было бы совсем здорово. Я о том, что меня зовут леди Диндэниэль, узнала пять минут назад, от вас».

«Это я заметил. Редко кто так искренне радуется, услышав собственное имя». – Нет, все же какая ехидная зара... кхм... повелитель.

«Еще бы мне не радоваться. Сначала меня машиной задавило, потом водой облили, обозвали непонятно кем и оголошали новостью о гареме вашей темности. А потом еще и колданули чем попало».

«И чем же таким на вас попало, что вы стали ментальным магом первого уровня?»

Я, недолго думая, взяла и вспомнила картинку собственного попаданчества. В подробностях. А потом уставилась на повелителя с искренним любопытством: может, он поймет, откуда что взялось, и со мной поделится?

Делиться он не стал, но зато поинтересовался:

«Давайте вернемся к нашим... пиявкам. – Тут он на них искоса посмотрел. Я пару минут назад как можно незаметнее подпихнула русалочке платок, на который она и вывалила свою добычу с нескрываемым облегчением. И тут же смылась. – Зачем вам их слюна? И почему вы проводите время

в этом саду, а не на светлой половине гарема?»

Интересно, что обращался он ко мне по-прежнему мысленно, а вот неясное гудение и «второй-третий план» совершенно пропали. Очень похоже на то, что собеседник сознательно «закрылся». Эх, вот бы мне так... Только где бы учебник достать? Вряд ли сам повелитель всея и всего согласится давать мне уроки. Насколько я знаю из истории, хороший властелин – товарищ занятой.

«Разве это запрещено? Я люблю лес, а кроме того, здесь очень красиво. – Это мое признание оценили и даже улыбнулись. – И травы растут... да не только травы. А пиявки – это для косметических целей. Хорошо влияют на кожу».

«В гареме проблема с косметическими средствами?» – Похоже, мужчина (как его зовут, кстати? Мне так никто и не сказал) удивился.

«Нет, мне просто нравится все делать самой». – Еще не хватало ябедничать... Вот блин! Но я и правда люблю это дело. Интересно же, и не позволяет со скуки киснуть.

«Скука? – насторожился подслушивающий изверг и принялся мысленно перечислять: – Вышивание, рисование, стихосложение, музицирование?»

При этом на лице у него появилась улыбка. А вот ментально я уже его эмоций не чувствовала, даже ехидства.

«А вам очень нравились обязательные уроки в школе? – в свою очередь поинтересовалась я. – Особенно если ваших рисунков учителя пугаются, а стихи просят никогда никому

не показывать?»

«Так все плохо? – чему он, спрашивается, обрадовался? – Удивите меня примером вашего поэтического творчества».

«Вы уверены? – На всякий случай переспросить надо, чтобы потом не было претензий. – Ну тогда не жалуйтесь... кхм. "Дам корове я морковь, вот и вся моя любовь!" Конец, – уточнила я, глядя на любителя поэзии. Как бы не лопнул, бедолага, в попытках сдержать неприличный хохот. – Да смейтесь уже, что вы мучаетесь», – разрешила я и сама хихикнула.

– Вы просто гениальный поэт, – всхлипнул он вслух, героическим усилием сохраняя нейтральное выражение лица. – С остальными предметами у вас такие же прекрасные взаимоотношения?

«Я умею рисовать елочку, правда кривую. Цветочек почти ровный получается... А вот когда мы рисовали портрет какого-то мраморного господина, учитель испугался и больше ко мне не подходил». – Я тоже постаралась сделать самое серьезное выражение лица и докладывала с прилежанием первой ученицы.

«Надеюсь, ваш труд был вставлен в рамку и вывешен в зале, где выставляются все работы моих прекрасных воспитанниц?»

Если бы не черти в глазах, я бы даже поверила, что он серьезно. Хотя нет, вон и уголок губ дергается.

Очень забавное ощущение – когда говоришь мысленно, а

эмоции отслеживаешь по изменению мимики.

«Вы думаете? Хм... вообще-то, учитель забрал мой рисунок, но я решила, что это для того, чтобы сжечь побыстрее. А в том зале как с первой помощью особо нервным зрителям?»

«Этот зал я посещаю только с теми, кого собираюсь награждать женой из воспитанниц моего гарема. У таких людей обычно очень крепкая нервная система, не переживайте».

«Тогда все в порядке. Правда, я не уверена, что мое художество может привлечь интерес к создателю, но это даже к лучшему, мне пока и здесь нравится. А тот, кто не испугается моего творчества, точно героическая личность».

«Да уж... Хороший тест на выдержку. Тем более от моего подарка рискнет отказаться только личность, полностью потерявшая чувство самосохранения. Зачем мне трусливые соратники, у которых такие серьезные проблемы?»

«Действительно... – Поверить не могу, что мы всерьез обсуждаем подобный маразм, но выходит весело. Я даже не ожидала, что здешний грозный завоеватель настолько дружит с чувством юмора. – Хотите, я тогда ваш портрет нарисую? Будете тестировать свое окружение, не отходя от трона?»

«Хм... Нет, все же такие проверки надо устраивать внезапно и наедине. Но ваша идея мне нравится. – Он вдруг очень симпатично и искренне хихикнул. – А музицируете вы так же успешно?»

«Нет, музыку я люблю. Здесь у меня все в пределах нор-

мы». — А что, играла я точно не хуже других.

«Даже удивительно, чем так музыка перед вами провинилась, — хмыкнул мужчина. — Странно, как вы находите время поскучать, учитывая вашу загруженность».

«Но ведь занятия только до обеда, — удивилась я. — А потом свободное время. Это же целых полдня!»

«И все это время вы проводите здесь? Охотясь за пиявками?» — У здешнего властелина на лице отразилось искреннее недоумение.

«Зачем мне столько пиявок? — Что-то мне слишком весело. — В саду можно найти массу занятий, кроме того, я подружилась с некоторыми из девочек».

«С некоторыми из живущих здесь девочек?» — снова удивился. Похоже, я устроила повелителю утро сюрпризов.

«Ришшика очень милая, и О'Рения тоже приятная в общении. Только сладкоежка страшная — обожает малину».

«А человеческие девушки чем вас не устраивали?» — Вот настырный.

«Почему, всем устраивали. Просто они пауков боятся и в сад не выходят».

Вообще-то, я уже замерзла, стоя голышом в одном покрывале. Солнце давно спряталось за серую лохматую тучу, похожую на клочок ваты, и от воды тянуло свежестью.

Наверное, я очень заметно поежилась. Повелитель тут же отреагировал, тоже посмотрел на небо и наклонился, чтобы поднять мое платье и сандалии, лежавшие у его ног. Протя-

нул их мне:

– Было очень приятно провести с вами время, леди. Но, увы, мне не то что скучать – отдохнуть не всегда получается столько, сколько самому бы хотелось. Хорошего дня.

– И вам. – Я очень обрадовалась возможности одеться, но не натягивать же белье в его присутствии. Так что я дождалась, пока властелинство скроется из виду, нырнула в платье, а потом снова уселась на покрывало, обхватила колени руками и задумалась.

Глава 10 (9-12 день)

Это что же получается? Властелин у нас вот такой простой мужик? Нет, чувство юмора – это большой и жирный плюс любому существу, а тем более коронованному. Но мне показалось или он как-то очень спокойно воспринял новость о моем попаданстве? Может, здесь оно не редкость? Честно говоря, в какой-то момент меня накрыло запоздалой паникой. А вдруг бы меня решили разобрать на запчасти и изучить, так сказать, подробнее? Хм, то есть заклинание отвалилось совсем? Или это благодаря ему я так быстро перестала дергаться?

Не знаю, почему в разговоре с властелином я была так спокойна. Анализируя собственное состояние постфактум, я с удивлением обнаружила, что мое спокойствие было не столько результатом того самого заклинания, сколько «вдруг откуда ни возьмись» вынырнувшей интуиции. То есть она и раньше была, но вот так «в голос» никогда прежде не выступала. А здесь внутри меня прямо-таки с транспарантом ходило нечто и скандировало: «Король-то гол... в смысле, нормальный мужик!» Что бы это значило, интересно?

Вопросов сколько накопилось... Хорошо бы поймать кого-то, кто хоть парочку ответов может дать.

Нет, у меня и мысли не возникло отловить его властелинство, если он снова выйдет в сад погулять. Во-первых, черт

его знает, может, он раз в год устраивает себе променад под елочкой. Во-вторых, его чувство юмора вовсе не означает, что он разбежится мне все объяснять.

И вообще... ну поболтали. Убедилась, что мужик на первый взгляд нормальный и вменяемый. И слава богу, а дальше каждый пусть занимается своими делами. Властелин властелинит, а у меня как раз основа для крема настоялась, можно добавить туда свежие пиявочки слюнки.

Значит, надо навестить Ришшику – основу я поставила у нее, чтобы не таскать все время то в комнату, то в сад всю мою химию. А потом еще придется топать на другой конец озера. Потому что русалочка, паршивка такая, хвостом плеснула, только ее и видели. И теперь раньше чем завтра не выплывет. Выпускать пиявок придется самой. Мне никогда не нравилась мысль просто так убивать живых существ, так что несчастных кровопийц надо бы хоть в банку с водой пока запустить.

С этой мыслью я подхватила и, минуя малинник, а потом срезая углы прямо сквозь заросли, помчалась в гости к блондинистой паучихе.

Между прочим... судя по ментальному ржачу, о шалостях рыбки и паучка властелин в курсе и ничего против не имеет. Значит, можно смело спрашивать Ришшику, как оно у них тут вообще устроено в деле сексуального удовлетворения. Интересно же. И познавательно. Собственно, можно было и раньше спросить, но как-то к слову не приходилось.

Пока бежала, вдруг вспомнилось перекошенное лицо властелина, когда он пытался оценить мое творчество на почве стихосложения. У преподавателя было почти такое же, только он не смех сдерживал, а как бы не слезы. При том что формально придраться было не к чему, потому что задание звучало так: «Стихотворение не больше десяти строк, в котором упоминается природа, отношения и имеется эмоциональный посыл».

Корова вполне себе природное образование, эмоция и нравственный посыл на месте, не больше десяти строк. Несчастному старичку-преподавателю только и оставалось, что тяжело вздыхать и морщиться, как от зубной боли.

Этот хмырь в халате не морщился, он откровенно веселился. Но почему-то старался сдержаться. Интересно, имидж берег или нежную психику эльфийской девы? Обычно люди не любят, когда над ними смеются. А мне с двоюродной бабкой повезло. Она с детства приучила меня первой смеяться над своими недостатками и ошибками, тогда и остальные подхватят веселье и будут потешаться вместе с тобой, а не над тобой.

Я уже почти добралась до уютного гнездышка Ришшики, крайнего домика у самой стены, заплетенного диким виноградом по самую крышу, когда в стороне от тропинки заметила особенно роскошный пышный куст одуванчиков. Золотые головки цветов были величиной чуть ли не с пол-ладони. С трудом подавив приступ иррациональной жадности и уже

шагнув дальше, я вдруг встала как вкопанная. Обернулась и еще раз всмотрелась в заросли резных длинных листьев.

А потом села прямо на землю и закатилась в приступе неконтролируемого ржача. Нет, это был не смех, это был именно ржач. Лошадиный.

Диндэниэль... Диндэниэль... в переводе с эльфийского – одуванчик! То-то я к ним так прикипела!

Казалось бы, ну забавно, похихикай себе, и все. Нет, меня накрыло как таракана тапкой. Я едва ли не по земле каталась, рыдала от смеха и дрыгала конечностями, как припадочная. И не могла остановиться. Оказывается, не так уж мне и легко было все это время... если организм решил таким образом сбросить стресс. Через истерику.

– Ты чего? С тобой все в порядке? – Выскочившая на террасу Ришшика кинулась ко мне с явным намерением поднять и ощупать – вдруг у меня что-то важное поломалось или отвалилось. – Чего ты... чего?!

Я слабо отмахивалась и отбрыкивалась, тыкала пальцем в сторону зарослей и подвывала. Обеспокоенная паучиха на глазах впадала в панику. Она подхватила меня человеческими руками под мышки, а передней парой паучьих лапок – под коленки и поволокла в дом. Устроила дергающееся тело на низком диванчике и рванула куда-то в сторону.

Через секунду на меня обрушился поток ледяной воды. Я поперхнулась и замолкла, немного ошалело хлопая глазами и пытаюсь отдышаться.

– Тебе уже лучше? – заботливо поинтересовалась Ришшика, явно готовая мчаться за вторым ведром «лекарства».

– Да-да, спасибо! – поспешила я с ответом. – Значительно лучше! Возьми, кстати, на вооружение: ведро воды – отличное лекарство от истерики.

– У тебя была истерика? – Удивление подруги можно было черпать ложкой, таким оно было густым и вещественным. – Почему? Тебя кто-то обидел? – тут она воинственно встопорщила шерсть на лапах и сразу стала в полтора раза крупнее. Смотрелось очень грозно.

– Да нет! Истерика бывает не только от обиды, бывает и... – Я запнулась, пытаюсь подобрать слова. Мне было очень приятно, что Ришшика так явно выказала готовность меня защитить, но вовсе не хотелось, чтобы она пошла войной на остальной гарем, а тем более на повелителя. – Это я сама над собой начала смеяться, а потом как-то не смогла остановиться. Скажи, ты знаешь, как переводится с эльфийского «диндэниэль»?

Ришшика задумчиво наморщила лоб, потом отрицательно помотала головой. Вздрыбленная шерстка улеглась обратно, и паучиха приняла свой обычный умиротворенно мимишный вид.

– Одуванчик. Диндэниэль переводится как одуванчик, – просветила я и опять хихикнула.

Ришшика хмыкнула и глубоко погрузилась в обдумывание моих слов, а потом продемонстрировала шикарный фо-

кус. Правая задняя лапка, явно независимо от осознанного желания хозяйки, приподнялась, ловко вывернулась и быстро почесала брюшко.

– Смешно... – задумчиво протянула девушка. – Но истерика-то зачем?

– Не зачем, а почему. – Я отжала мокрую косу и зябко передернула плечами. – Дашь полотенце? Ага, спасибо. Просто я все никак до конца проникнуться не могла тем, как сюда попала. Суетилась чего-то, одуванчики... хи-хи... запаривала. Властелину вот у озера стихи свои почитала. Все как во сне. И вдруг проснулась.

– После твоих стихов кто хочешь проснется! – выпалила подруга не задумываясь, а потом вдруг ойкнула: – Повелителю? ТВОИ стихи? И он слушал?

– Он ржал, – успокоила я. – И вообще, зря ты меня страшала, вполне нормальный властелин у нас. С чувством юмора.

– Да? Я никогда не пробовала его смешить... – эта новая мысль захватила Ришшику с головой.

– Знаешь, смешить нарочно не стоит, – поспешила предостеречь я. – Когда это стараешься сделать намеренно, только глупости получаются. Ни капли не смешные.

Ришшика со мной согласилась, а потом, чтобы сменить тему, предложила перекусить. Я уже поела с утра, но после всех этих приключений внезапно почувствовала зверский голод, махнула рукой на второй завтрак в столовой, куда на-

до было еще идти, и осталась у подруги. М-да, заклинание заклинанием, но, похоже, мой новый эльфийский организм нашел способ отыграться за задавленные эмоции. Сначала истерика, а теперь приступ слабости и лени.

Вечером в постели я неожиданно для себя немного всплакнула. Вспоминала мужа, детей... как мы хорошо жили... Петька теперь бросит скрипку, маленький лентяй, некому будет стоять над душой... Интересно, нашли репетитора для Аринки? Наташа с ними замучается. Ну, ничего, зять у меня хороший... отличный зять! Он о них позаботится.

Олег так и не позвонил из своей Калифорнии... А у него жена в третий раз беременна. Ждали такую желанную девочку после двух пацанов. Я собиралась поехать к ним, помочь со старшими внуками.

А Лешка? Сильный, умный, красивый, но такой... мужчина. Наташа его, конечно, не бросит одного. Не даст закинуть, заставит заниматься внуками. А он будет закапываться в свою работу и пахать сутками... и питаться всухомятку, лодырь! Почему-то больше всего сердце болело не за внуков, не за детей, а за мужа.

Слезы были светлыми какими-то, они текли сами собой, и вместе с ними вытекала неизвестно откуда взявшаяся горечь. Оставалась только нежность, любовь и отчаянное желание – пусть у них все будет хорошо!

С этим я и заснула.

Следующий день после встречи с властелином прошел как обычно. Сходила на занятия, навестила Ришшику, проболтала с ней почти до самого вечера и опять не пошла в столовую на ужин. И наутро получила замечание от какой-то очень серьезной девушки из-за соседнего стола. Поскольку она не была замечена в шушуканье и шараханье, я восприняла ее слова всерьез. Действительно, неудобно, когда кто-то все приготовил, накрыл на стол, а ты взял и не явился. О таких вещах нужно предупреждать заранее.

Я не стала спорить или что-то уточнять, только спокойно кивнула и села на свое место. Черт, это все же вроде как столовая, а не ресторан, вряд ли... хотя кто его знает. Непонятно только, кого предупреждать?

А после завтрака выяснилось, что сегодня ни с того ни с сего снова объявлен выходной для нашей группы новеньких. Зачем, почему – никто ничего не объяснил. Пришла мадам паучиха, объявила, осмотрела нас орлиным взглядом и так же величественно удалилась.

Нет, я не против, но странно как-то. Ладно, зато я успею пришить карманы еще на одну тунику, загляну в пустую купальню за мылом – вот из принципа не возьму готовые балламы, даже если они там есть. Самой интереснее. А потом пойду к Ришшике, и мы будем думать, из чего собрать простейший самогонный аппарат. По идее, нужны две кастрюли – одна чуть больше, другая чуть меньше – и обычная миска. Мы так в студенческой общаге добывали самогон из забро-

дившего вишневого варенья. А тут вон малины сколько.

Нет, выпить мне не хотелось, а спаивать ребенка вообще плохая мысль. Но я внезапно вспомнила, какой шикарный лосьон на самогоне настаивала мама на дынной мякоти с косточками. Просто вчера в паучий домик как раз подали к ужину дыньку, причем целую, и мы ее приберегли на эксперименты.

Мимолетную встречу у озера я, если честно, почти забыла... никаких репрессий не последовало, никакого пристального наблюдения я не заметила и успокоилась.

Не знаю, почему я так легко отнеслась к разоблачению. Подумаешь, поистерила немного на одуванчик, а потом поплакала в подушку. Может, это были остаточные всплески заклинания, может, мой природный оптимизм-пофигизм, а может, перенос в другой мир вообще подействовал на меня как хороший удар пыльным мешком по голове. И я до сих пор торможу с реакцией на все.

Напомнила мне о властелине О'Рения. Причем так, что я не знала, смеяться или плакать вместе с ней.

Это было на третье утро после той случайной встречи. День был обычный, никаких внеплановых выходных. В сад я попала только после обеда. И сразу отправилась к озеру. Потому как крем с пиявочными слюнями оказался действительно более эффективным в увлажнении наших с Ришшикой рук.

Тех кровососок, что О'Рения притащила во время нашего

разговора с властелином, я выпустила – сначала в горшок с водой, а потом в озеро. И теперь мне нужна была хотя бы парочка свежих.

Русалки нигде не было видно. Поразмыслив, я решила попробовать паучий позывной. Вернулась к деревьям, выбрала две подходящие сухие и сломанные ветки и пошла барабани́ть ими по воде.

Подействовало! Вот только русалка, увидев меня, раздраженно забила хвостом, поднимая тучу брызг, и попыталась смыться обратно на глубину. Мне пришлось довольно долго и громко уговаривать вредную девчонку подплыть поближе, чтобы поговорить.

В конце концов чешуйчатая вертихвостка выбралась на ту самую корягу, возле которой мы и познакомились, но сидела такая несчастная, надутая и недовольная, что я решила пока о пиявках не заикаться. И стала расспрашивать, кто же обидел нашу самую красивую русалочку.

«Самую красивую» надутая рыбка приняла благосклонно, даже бровки почти перестала хмурить. И вообще, ей явно понравились мои танцы с бубном. А я что, мне не трудно... сначала дочь, потом внучка. Обе, бывало, возвращались из детского сада пасмурными тучками. И всегда ждали, что сейчас вот мама обо всем расспросит, потом утешит, потом даст мандаринку или яблоко... Эх, не сообразила я заранее набрать малины, сейчас бы пригодилась.

Ничего, ягоду ведь можно и пообещать. Целых три кор-

зинки.

Это я правильно угадала. Малинка, пусть и в перспективе, развязала О'Рении язычок, и на меня вывалили все русалочьи обиды и проблемы.

Как всегда, во всем оказались виноваты мужики. А конкретно – один излишне осторожный и стеснительный арахнид и один ни с того ни с сего восплавывший страстью к прогулкам властелин.

Повелитель вот уже третье утро шлялся по саду вокруг озера и своим присутствием злостно мешал посещениям вкусного паучка.

На этом месте я поперхнулась, слегка зависла и уточнила: «Какого-какого?!» Оказалось, что я не ослышалась. Вкусного, питательного и вообще со всех сторон полезного. Потому что каждая русалка знает, насколько волшебное семя у восьминогих. Почти панацея и манна небесная в одном флаконе. Но не всем так везет – попасть в гарем, где этих нужных в хозяйстве существ так много, практически на любой вкус!

О'Рения его долго и тщательно выбирала из охраны гарема, потом приручала и подманивала... Даже соблазнила влезть в холодную воду, чего пауки, как выяснилось, не любят. И вот, когда все так отлично устроилось и наладилось, принесло, понимаешь, любителя природы! А глупый восьминог его стесняется. Ближе к озеру не подходит третий день!

Хотя стеснительность кавалера показалась мне спорным

аргументом, я не стала разубеждать русалку. И вот из каких соображений: во-первых, я действительно толком не знаю пауков вообще и этого паука в частности. Может, они и стесняются властелинов и прочих зрителей. Во-вторых, пусть лучше О'Рения грешит на его стеснительность, чем подозревает в том, что паук еще какую-нибудь другую русалку подкармливает. Мы, женщины, прекрасно умеем надумать себе страшилок и трагедий.

Чтобы перевести разговор на более позитивные темы, я стала расспрашивать, чем же таким особенным отличаются пауки на вкус. И в чем их необычайная полезность, особенно на фоне других рас.

И выяснила, что на вкус они просто самые-самые... тут О'Рения затруднялась объяснить нюансы. Вкусные, и все. А еще в их семени есть какое-то... «р-р-р-буль-буль-хрюк». Это оно так по-русалочьи называется, а как переводится на всеобщий, О'Рения не знала. Этот «буль-хрюк» есть у всех, но у пауков – особенно концентрированный и качественный.

Я хихикнула, припомнив случай из прошлой жизни. Яркий пример маразма, но такой показательный... Лет десять назад у меня была приятельница, моя ровесница. Она счастливо прожила с мужем тридцать лет. И на тридцать первом году жизни неосмотрительно дала ему почитать статью в журнале «Здоровье». Там было написано, что есть такой особенный витамин, не помню, как называется. Так вот, он синтезируется только в мужском организме и поступает в спер-

му. И этот витамин конечен, рано или поздно вырабатывается весь, подчистую.

Смех смехом, а муж приятельницы, когда это вычитал, перестал с ней спать. Витамин берег.

Тут у меня в памяти всплыла еще одна подруга, которая делала маски для лица из спермы мужа, и я окончательно оставила вопрос химического состава паучьего семени. Полезная. Поверим на слово.

О'Рения тем временем закончила описывать сугубо практическое использование паука и перешла к вопросам романтики. Хм, а я уже подумала, что зря так расчувствовалась, наблюдая за шалостями в воде.

Оказалось, что паучок очень красивый, расцветка у него такая завлекательная, ухаживать умеет – приласкать, малинки принести или других каких ягод и фруктов. И на ощупь очень даже ничего, а еще так чувственно реагирует, если ему лапки погладить... и так забавно дрыгает ими, когда кончает!

– Это у него инстинкт, – пояснила русалочка, хихикая.

Паучьи дамы раньше, до того как стали цивилизованной расой, имели привычку закусить разомлевшим кавалером. Так что у пауков моторчик сам включается – кончил и давай делать ноги.

Короче, я узнала много нового о пауках и русалках. А две горсти малины, поспешно собранные в ближайших кустах, вполне примирили хвостатую жалобщицу с действительно-

стью, и она согласилась признать, что все не так безнадежно. Либо властелину надоест тут шататься, либо арахнид перестанет стесняться, но дело так или иначе разрешится.

О'Рения повеселела настолько, что даже сама предложила мне универсальную озерную валюту – пивок. Я, конечно, радостно согласилась и вскоре уже бежала в домик Ришшики с добычей в заранее припасенном горшке. Время к ужину, надо подоить склизких паразиток, добавить слюни в крем и успеть в столовую.

И я бы успела! Если бы не персиковое дерево.

Решив срезать угол, я сошла с тропинки и рванула напрямик, но как-то незаметно отклонилась от нужного направления. Не заблудилась, но пробираться пришлось через заросли, в которых я еще не бывала. И дорожка, на которую я в конце концов выбралась, тоже была незнакомой. А на повороте росло ОНО!

Я обожаю персики. Я могу слопать сразу ведро, и мне не станет плохо. Я чую их запах за километр, могу сразу определить, зеленые они или спелые, сочные или сухие, сладкие, с кислинкой или безвкусные...

Крупные золотисто-розовые плоды на верхних ветках совершенно точно были восхитительно спелыми и умопомрачительно вкусными. Эх, была не была, дело... то есть тело молодое! К тому же эльфийское. И тоже любит персики.

И я полезла на дерево. Довольно ловко, надо сказать. Без страха перешагивала с ветки на ветку, совсем по-обезьяньи

цеплялась за подходящие сучья и упорно подбиралась к вожделенным плодам. Вот уже осталось только протянуть руку... и тут меня подвела моя гастрономическая страсть. Мне бы набрать персиков – да хотя бы в подвязанный подол, – спокойно спуститься и уже потом закусить. Нет, я не утерпела, выбрала самый сочный на вид и впилась в него зубами.

Ой-ей! Он оказался гораздо более сочным, чем я рассчитывала: сладкая жидкость брызнула мне в лицо, попала в глаз... Уй! Доремифасоляси!!! Липкая сладость потекла по подбородку, по груди, по рукам...

– Кхм! – раздалось откуда-то снизу, прямо оттуда, куда с меня капал вкусный персиковый нектар. Я дернулась от неожиданности и потеряла равновесие...

Глава 11 – Виланд

Некоторое время назад...

– Морра арргросс, вот ваше расписание на завтра. – Рридфферт протянул мне традиционный шаблон – большой круг, разделенный на доли, в каждой из которых было вписано, что мне предстояло свершить в данный временной отрезок. – Спокойной ночи, морра арргросс.

И хитрый арахнид быстро зашагал прочь, чтобы успеть скрыться до того, как я начну возмущаться, найдя в расписании незапланированную встречу или... целую делегацию?! Нет, ну это уже наглость, черт побери!

Ладно, понимаю, отказать аррграу собственного гнезда Рридфферт не мог. Это единственное существо, которого мой секретарь хотя бы из уважения побаивается. Хотя мне иногда кажется, что чувство страха у него атрофировано с детства!

Рид родился, еще когда арахниды жили в пещерах. В то время самец, не успевший сбежать от самки, иногда с аппетитом съедался из-за страшной эпидемии, медленно уничтожающей разум у целого вида.

Вообще, арахнидки очень гордятся тем, что смогли побороть в себе инстинкт уничтожения своих партнеров, причем много сотен лет назад. Но страшное проклятие, изъявшее артефакт Аррахшшир из тела прежнего морра арргросс-

са и этим ослабившее связь между ними, словно повернуло время вспять. К счастью, ненадолго.

Внезапно всплывшая мысль о том, как было бы ужасно, если бы такая гордая раса потихоньку деградировала и превратилась в обычных чудовищ, которыми матери пугают детей, царапнула, как коготь по коже. А ведь появился новый морра арргросс чуть позже, этим все и закончилось бы.

Как и их младшие братья, арахниды откладывают множество яиц, заботливо заматывая их в отдельные мешочки по восемь штук в каждом. Через какое-то время из яичек вылупляются личинки.

До эпидемии эти создания совместными усилиями съедали несколько слоев паутины, прогрызая путь на свободу, заодно из крошечных слепых лысых существ превращаясь в маленьких арахнидов с нежными пушистыми ворсинками на лапках и брюшке.

Но проклятие начало сказываться и на них, заменяя приоритеты у инстинкта освобождения на более древний.

Численность арахнидов и так постоянно уменьшалась вследствие снижения количества откладываемых яиц, сражений с другими видами и между собой, болезней, несчастных случаев из-за не очень удачного места проживания. Черт побери, эти создания и так уже достаточно страдали, но проклятию было мало.

В нескольких гнездах с самками, ослабленными болезнью или старостью, уже начались случаи каннибализма именно

на стадии личинок. И Рридфферта должен был загрызть кто-то из более сильных собратьев-соседей, но парню повезло: он вылупился из яйца значительно позже всех, когда битва среди новорожденных паучков уже закончилась и объевшийся победитель сладко спал, переваривая шесть своих братьев. Но Рридфферт был голоден, внезапен и агрессивен. И до сих пор злой, когда голодный... Так что из кокона после первой линьки вывалился именно он, а не позволивший себе почитать на яичных ошметках более сильный собрат.

А по законам арахнидов – выжил в первой битве, значит, имеешь право жить дальше. Даже если ты мельче своих сверстников в полтора раза, у тебя светло-голубые глаза, бледная кожа, белые волосы и от твоего вида нервно морщится даже мать – аррграу гнезда.

Когда же Рридфферт дорос до возраста воина, ему повезло еще раз... Или мне? Адъютант в военное и секретарь в мирное время из него получился очень ответственный. А еще, благодаря постоянной травле ровесников, у него было множество полезных умений и знаний, помогающих выжить. Только чувство страха полностью исчезло.

Осталось лишь уважение перед своей морра аррграу, которую он до сих пор, засранец восьминогий, ставит выше собственного господина.

Ладно уж, встречусь... завтра.

Мой второй советник, Рремшшург, отпросившийся чуть ли не в отпуск, наблюдать за правильным ходом военных

действий между двумя довольно большими северными государствами, сегодня днем вернулся, довольный, посвежевший и полный впечатлений. По этому случаю на вечер у меня был запланирован «мальчишник» в купальне, с девочками...

Для Рремшшурга я специально подобрал трех русалок и двух нагинь, чтобы тот уж точно расслабился. А то у арахнидов нормальный секс по-прежнему ассоциируется с желанием сбежать, быстро перебирая всеми оставшимися лапами. Нагини, конечно, ползают довольно быстро по сравнению с человеком, но не с восьминогим парнем, у которого драпать после хорошего траха заложено на уровне инстинктов. Поэтому арахниды и предпочитают развлекаться с дамочками, у которых скорость передвижения низкая, а нервная система – крепкая.

Вот у Илуватора страсть к темным эльфийкам и ночным леди, в простонародье – вампиршам. Любит мой советник «плохих» девочек...

В апартаментах меня уже ждала стайка будущих «выпускниц» и парочка проверенных ранее девушек, заказавших таких женихов, что не вдруг-то сразу найдешь. Последних я взял для спокойствия, чтобы, даже если в стайке вообще ни одного самородка не найдется, все равно не пришлось бы скучать этой ночью.

Едва я вошел, девчонки подлетели ко мне, помогли переодеться в халат. Сапоги я стащил сам – по устилающему пол

пушистому ковру хотелось ходить исключительно босиком.

В кресле неподалеку от моего устроились две близняшки-иллитари, а рядом с ними – ночная леди Кларисса. Эта троица считалась моими гостями, даже не воспитанницами и тем более не наложницами. И Илуватора они ублажали исключительно по собственному желанию.

Да и русалки с нагинями против Рремшшурга ничего не имели, пусть он и не был таким красавчиком, как эльф. У арахнида были другие достоинства.

Когда появился Илуватор, на мне сверху уже сидела и крутила бедрами одна из красоток, пока другая старательно разминала мои плечи, пристроившись сзади. Ил хмыкнул, привлекая внимание, и помахал двумя бутылками эльфийского розового. Я промычал, что согласен...

К эльфу никто не кинулся, наоборот, его подружки ждали, пока он сам разденется, чтобы только потом окружить и начать тереться о голое гладкое тело. Уверен, наедине эта компания развлекается еще более... хм... оригинально. Но на все наши подшучивания Ил лишь приподнимал левую бровь и рекомендовал завидовать не так бурно. Да я с вампиршей даже в пьяном угаре не лег бы!.. И, черт побери, мне всегда было интересно, где именно она его кусает, потому что на видимых частях тела не оставалось никаких следов.

Рремшшург в обнимку с нагинями объявился, когда мы допивали первую бутылку. Судя по довольной роже моего второго советника, развлекаться они начали где-то в кустах.

Одна из девиц, заметив, что я поглядываю в их сторону, улыбнулась и несколько раз высунула свой тонкий раздвоенный язык и пошевелила им.

Меня внутренне тут же передернуло от воспоминаний. Когда-то, уже довольно давно, Рремшшург похвастался, что его семя по составу более питательно и обладает какими-то целебными свойствами. Честно, не помню, как мы тогда дошли до этой темы и почему она нас задела за живое, но мы с Илом потребовали или подтверждения, или опровержения.

Так как человеческие девушки только от мысли сделать минет арахниду падали штабелями в обморок, пришлось призывать в качестве эксперта одну из нагинь, благо в тот день за охрану дворца как раз отвечал картушшер нагов.

И вот, черт возьми, это было незабываемое ощущение, которое я до сих пор не готов испытать еще раз.

Поэтому как только вижу «оружие», которое работало с моим «орудием», так вздрагиваю. До сих пор, хоть с того дня почти сто лет прошло.

С эльфийского розового мы перешли на дриадское бриллиантовое. Напиваться не хотелось, тем более мне приглянулась вся «стая», и, чтобы не упасть в грязь лицом и мордой в подушку, надо было вовремя остановиться. Это когда тебе всего сто или сто пятьдесят, можно пить всю ночь гномий самогон и не переживать, а в мои триста с восьмерушкой уже приходится выбирать. Или самогон и лишь пара баб, или бабы, но без самогона.

Бриллиантовое мы допивали уже в купальне, где к нам присоединились русалки. Неуемные девицы затащили моего восьминогого советника в теплый бассейн, и вода то и дело пенилась и бурлила от его инстинктивного перебора всеми лапами. На пятый подряд перебор я ощутил что-то очень похожее на зависть, притягивая к себе очередную красотку из «стайки».

Красивые девчонки, фигуристые. И старательные такие... Надо будет обязательно пристроить в хорошие руки, особенно вон ту, с черной косой ниже попы. Попка круглая, грудь пышная, талия тонкая... И смех естественный.

Уложив пышногрудку на теплый пол, я принялся наглаживать ее ладонью между ног, постоянно задевая нежный бугорок и заставляя девчонку подо мной тихо постанывать. Красные пухлые губы приоткрылись, а языком словно дразнится, постоянно облизываясь... Красавица. Люблю таких. Чтобы пощупать было за что...

И желание в глазах настоящее, не наигранное. Конечно, тут уже всех девчонок развезло – обстановка расслабляющая, вино сладкое... И губы после вина – тоже сладкие...

«Виланд, ну хоть эту себе оставишь? – Рремшшург пристроился на полу рядом со мной, подогнув под себя все восемь лап. – Ведь приглянулась тебе девка», – кивнул он в сторону брызгающейся и повизгивающей в компании подруг черненькой пышногрудки.

«Вот пусть и останется приятным воспоминанием, – от-

махнулся я. – Сейчас еще вон ту блондинистую поймею».

«Страшненькая же! Блеклая везде, как Рид, даже между ног шерсть блеклая».

«Натуральная, значит, раз даже между ног блеклая», – фыркнул я, стараясь сдержать смех.

У здоровых арахнидов волосы были сочных темных цветов – красные, синие, черные, каштановые, рыжие, ярко-желтые. А вот светлые оттенки считались признаком болезненности. И, даже смирившись с тем, что блондинки иногда бывают здоровее многих брюнеток, Рремшшург все равно посматривал на них неодобрительно.

Илуватор, уединившись со своими дамами в парилке, лишь иногда выбегал оттуда раскрасневшийся, облепленный листьями, чтобы с шумным «ы-ы-ых!» нырнуть в бассейн.

Выскочив в очередной раз и проплыв под водой от края до края, он вынырнул на нашем берегу и вылез.

«Чего грустим? Тебе Рем опять бабу свежепоиметую сватает?»

Плюхнувшись рядом с нами, Ил помахал рукой одной из близняшек, высунувшейся из парилки. Та кивнула и скрылась обратно – продолжать веселиться, но уже без него.

«Хорошо, о яйцах пока не начал», – усмехнулся я.

«Кстати, о бабах. – Ил разлегся на полу, прикрыв глаза. Самодовольное выражение лица временно сменилось на умиротворенное. – Что слышно про твою эльфийскую маньячку?»

«Маньячку? – насторожился Рремшшург. – У тебя в гареме?»

«Не поверишь, сексуальную, – развеселился Ил. – Сексуальная эльфийская маньячка, которая чуть не изнасиловала по дороге во дворец картушшергерра сопровождения».

«Эльфийка, которая чуть не изнасиловала одного из моих полковников?» – У Рема было такое обиженно-недоумевающее лицо, что даже я не выдержал.

«Да! Он мне даже жалобу написал по этому поводу!»

«На то, что не изнасиловала?» – Окончательно запутавшийся арахнид смотрел на нас как на психически нездоровых. Не знаю, как Ил, а я из последних сил удерживал на лице серьезную рожу.

«Я не очень понял. – Так, главное – даже не улыбаться. – Скорее всего, именно на это».

«Да идите вы... оба... – первым заржал именно Рем. – Так я вам и поверил. Вы ж звените просто от смеха».

Вкратце пересказав ему историю появления в моем гареме сексуально озабоченной эльфийки, я тут же успокоил обоих: «Праушшана за ней уже восьмицу наблюдает, никаких проявлений агрессии. Девка как девка, на луну не воет, преподавателей не заваливает, заклятие уже почти сошло, и под ним никакого другого не оказалось. – Последнее я подчеркнул, посмотрев на Ила. – С остальными эльфийками не контактирует, хотя сейчас в гареме их живет трое. На следующей неделе четвертую подвезут, из второго поселения».

«А я бы все же ее изолировал», – настойчивым тоном произнес Илуватор.

«Зачем? – удивился Рем. – Раз аррграу Рраушшана говорит, что все нормально, значит, так оно и есть».

«Потому что не бывает ментальных магов у эльфов...»

«Кто бы говорил! – поддел я Ила. – Сидим вот, все втроем ментально между собой общаемся, а, между прочим, один из нас – пресветлый эльф».

«Я – генетическая ошибка».

«Может, и она тоже. – Я похлопал своего советника по плечу и встал. – Вы как хотите, а у меня по плану блондиночка, потом я подхватываю вот тех двух рыженьких цыпочек, черноволосую пышку – и спать».

«Слабак! – констатировал Рем. – А мы еще оторвемся...»

На рассвете, шарахнув в голову ударной оздоровительно-бодрящей дозой магии, я хлопнул по голому пышному заду одной из трех сладко посапывающих девчонок. Полюбовался, как она по-детски трет глаза кулачками, пытаюсь проснуться.

– За герцога пойдешь или только король нужен? – поинтересовался я у нее.

Она сладко зевнула, потянулась и заулыбалась:

– А можно и за короля? Тогда король лучше... Ой, нет! – Тут она смешно наморщила курносый носик и засмузилась: – Мне б того, кто помоложе, чтобы как вы... не старше.

– Еще бы я такую темпераментную куколку под старика подложил! – засмеялся я, погладив ладонью пышную грудь. – Будет тебе молодой король, заслужила.

Девчонка кокетливо заулыбалась, став еще более хорошенькой. Прямо хоть снова заваливай...

– Давай, поднимай подруг, я прикажу проводить вас в смотровые апартаменты. Короля придется денька три подождать, занят он пока.

– Ага. – Девчонка радостно взвизгнула и прямо с кровати, с прыжка, повисла у меня на шее. – Спасибо, спасибо, господин!

Нет, ну как тут можно устоять? Вот у меня все и встало...

К счастью, составляя расписание, Рридфферт учел, что с утра я могу быть еще немного занят, так что, когда девчонки разбежались, у меня даже осталось немного времени, чтобы прогуляться по саду.

И как-то совершенно внезапно я буквально чуть ли не споткнулся об очередное голое женское тело. Светлое. Эльфийское... Кхм... Как-то даже сомнений не возникло – леди Диндэниэль, кто же еще?

Причем у нее выражение лица стало таким странным, как только я ее по имени назвал, что у меня сразу перед глазами возник портрет Ила и под ним стрелочка с подписью: «в подземелье».

М-да... Не знаю почему, может, утреннее хорошее настроение еще окончательно не выветрилось, но я взял и ки-

нул ей на покрывало паука. А сам приготовился к взвизгиванию, подпрыгиванию и, возможно, попыткам забраться ко мне на руки. Но не тут-то было. Черт побери, эта забавная эльфийка еще меня и отругала!

Самое интересное, что она меня совершенно не боялась, хотя уже начала задумываться о том, кто я такой. И все ее поведение точно совпадало с ее мыслями. Никакого скрытого подтекста, честно говорит ровно то, что думает. У человеческих девушек подобное встречается, правда редко. Аристократок с детства приучают врать, так что к моменту появления в моем гареме эти девчушки уже умеют думать одно, делать другое, а изображать третье. Но для эльфийки из Высокого Дома подобное поведение – чудо.

Может, она действительно оказалась генетической ошибкой? Внезапным напоминанием, что темные и светлые эльфы когда-то были единой расой? Хотя, скорее, банально кто-то из предков согрешил с иллитари, а потом перевел указатели на более дальнее родство. На это можно с успехом свалить ее ментальный дар, если он еще остался. Но вот ее честный взгляд и полное соответствие действий и мыслей откуда? Эльфы, даже серо-буро-малиновые, лгут как дышат. А тут...

Кстати, о даре...

Я целенаправленно громко подумал фразу, которую смог бы уловить любой начинающий ментальный маг, и девчонка тут же попалась. Значит, дар есть. Абы кому такой сюрприз

уже не подложишь, дарить придется продуманно, первоначально приучив есть с рук.

Тут мое инкогнито было раскрыто одной из местных русалок, и я со вздохом приготовился к тому, что сейчас поведение эльфийской леди резко изменится. Но ничего подобного не произошло. Так что я, тихо посмеиваясь про себя над бедным Ррашшардом, даже посоветовал ей, где найти хороший малинник. И тут девчонка меня удивила. Про недоизнасилованного арахнида я думал на втором уровне и совершенно нецеленаправленно, но она уловила мои мысли! Образ Ила в портретной рамке снова появился, только теперь он настойчиво размахивал флагом с надписью большими буквами: «ИЗОЛИРОВАТЬ!»

К сожалению, попытки покушения были не такой уж редкостью, но обычно жертв с ментальным внушением на мое убийство удавалось спасти и обезвредить, а добровольных фанатичек вычислить еще на подступах к гарему. Тут же было что-то непонятное. Один внезапно появившийся в моем гареме в качестве «подарка» от светлых эльфов неучтенный ментальный маг такой силы уже вызывал подозрения. А уж с учетом криво наложенного заклинания, под которым можно было припрятать все, что угодно... Например, ментальное внушение еще более сильного мага. Сильнее, чем арахниды и я...

Нет, последнее уже точно паранойя. Особенно если предположить, что второй маг – тоже неучтенный... Гораздо спо-

койнее жить в уверенности, что ты знаешь и внимательно следишь за всеми, кто тебя не слишком любит.

Хотя меня вообще мало кто любит, ведь я могу залезть в любую голову, узнать самые сокровенные мысли, прочувствовать запятанные на самое дно подсознания желания. Почему-то все уверены, что мне больше делать нечего, только копаться в чужих мозгах... Тут в своих иногда порядок не навести!

Но, черт побери, у меня нет никаких гарантий, что ментальный маг в моем гареме не занимается именно этим. Ведь крутится она именно на темной половине, обитательницы которой знают меня гораздо лучше. Но больше всего меня беспокоил уровень силы...

Где от меня прятали эту девчонку? Почему я не заметил ее раньше?

Для контрольной проверки я выдал на нескольких уровнях сразу три разных фразы одновременно. И, черт побери, эта куколка их все услышала! Да, хорошо, что я сюда не речь на совете продумывать пришел, а проветриваться после нескучной ночи...

Но прежде чем присылать в гарем отряд арахнидов, чтобы препроводить высокую леди в гости к Илуватору, я решил еще пообщаться... Как это ни странно, с ней было весело.

И тут она меня огорошила очень интересной формой амнезии – искренней верой, что ее перенесло к нам из другого мира и поэтому она ничего не помнит. У нее в голове даже

четкие визуальные картинки из прошлой жизни были!

Чисто сделано! Даже я бы настолько идеально не сработал. Странные железные монстры, огромные высокие замки в безумно большом количестве, толпы людей, не совсем привычно одетых... У кого такое большое воображение, интересно?! Не у магенка же эльфийского, который потом все это запрытывал под своим неумелым заклятием?

Паранойя сделала стойку, но опыт предположил, что в милой беседе я узнаю гораздо больше, чем в пыточной. Девчонка была настроена довольно дружелюбно и, главное, щебетала совершенно искренне. Зачем же зря ребенка запугивать? Не была она похожа на фанатичку – я ее на всех доступных мне уровнях просканировал. И артефакта на ней защитного не было, я бы его заметил.

А ее святая внутренняя уверенность, что она уже взрослая женщина, меня даже повеселила. Все в ее поведении просто кричало о практически детской наивности, но переводить эльфийский возраст хотя бы на примерный человеческий я так до сих пор и не научился. Надо будет завтра эту милую крошку показать Илу, взяв с него честное слово, что он ее никуда пока изолировать не будет.

В очередной раз изучив мелкокостные прелести, я полюбовался на довольно большую для ее расы грудь, оценил красивый переход от тонкой талии к округлым бедрам... Нет, фигурка была очень даже... половозрелая такая фигурка... выгодно отличающаяся от классических эльфийских кано-

нов красоты. Может, ее родственница согрешила не с илли-тари, а с человеком?

В любом случае наблюдение за этим чудом надо усилить и завтра обязательно показать ее Илу... Как-то так, не очень навязчиво.

Я был уверен, что на следующий день снова споткнусь о загорающее тело чуть ли не на рассвете. Амнезия амнезией, наивность наивностью, но во всем остальном леди Диндэниэль вела себя как обычная девушка. И предсказуемо должна была заявиться на озеро, чтобы поджидать меня. Конечно, моему мужскому самолюбию вчера польстило, что оценивался я не только как властелин. Но все равно именно это потом станет самым главным. Так всегда происходит.

Уговорить Илуватора не устраивать захват одной маленькой эльфийки целым седешшером арахнидов ожидаемо оказалось довольно сложно. Даже мои подшучивания на тему того, почему он затребовал всего лишь шестнадцать воинов, а не целый центушшер из ста двадцати восьми, его не смутили. Но в итоге Ил смирился и согласился лишь еще больше усилить слежку. Так что теперь эльфочка даже чихнуть спокойно не сможет без того, чтобы из-за кустов ей на восемь голосов не пожелали доброго здоровья.

Выяснив, что леди Диндэниэль вместо прекрасной возможности прогуляться и позагорать проводит время на занятиях, о которых так нелестно отзывалась, я приказал их на следующий день отменить и ушел заниматься своими де-

лами.

Но на следующее утро красotka снова не явилась... Ее совершенно нетипичное, непредсказуемое поведение сработало как вызов. Во мне внезапно зашевелился давно уже не проявлявшийся охотничий инстинкт и любопытство.

Вечером я выделил полчаса, чтобы разобрать отчеты Праушшаны и шпионов Илуватора. Картинка складывалась интересная... Девушка действительно была со странностями и вела себя очень нетипично для эльфийки. Мало того, младшие братья, которым я тоже поручил наблюдать за подозрительной леди, нашептали, что та после разговора со мной долго смеялась, хотя ей было совсем не весело. А потом «старшая сестра» вылила на нее ведро холодной воды. Отчитывающийся мне малыш даже лапами нервно тряс, пересказывая такие ужасы.

Хм... Судя по всему, у высокой леди случилась истерика. Интересно, что именно в разговоре со мной довело ее до такого состояния?

Главное, больше ничего необычного не происходило, если забыть о том, что вообще все, вытворяемое этой высокой леди, довольно необычно, причем как-то так... Обычность с налетом необычности.

Например, полдня сидела в комнате и шила. Обычно? Да. Только зачем ей дополнительные внутренние карманы? Проводит все дни, болтая с подругой. Обычно? Да! Только эта подруга – арахнид.

В разговоре с леди я уловил, что у нее произошел какой-то мелкий конфликт с девушками из светлой половины гарема, но все это промелькнуло у нее в голове довольно быстро, а я не стал заострять на этом внимание. Предупредил Праушшану, чтобы лучше следила за порядком, и все.

Но не со всей же светлой половиной она переругалась?

Опять же, косметика – нормально, естественно... Но не самим же делать?! И зачем они самогонный аппарат обсуждали, да еще такой примитивный? Попросили бы... Нет, аппарат им бы не принесли, но если хочется выпить что-то покрепче цветочного нектара и фруктового сидра, то почему... Почему просто не попросить?! Одни загадки.

Неудивительно, что третий рассвет я снова встретил у озера. Я и раньше любил гулять по саду время от времени, это очень помогало отдышаться, проветрить голову. Не думаю, что кто-то заметит, как их повелитель зачастил бродить в одном и том же месте.

Но и на третий день этой странной девчонки не оказалось. А у меня сегодня делегация... важная, черт побери!

Кстати, я уже подписал Илуватору в качестве компенсации за нервный стресс разрешение допросить с пристрастием управляющего четвертым эльфийским поселением, его жену и, главное, недомагеныша этого. Последнего даже разрешил забрать в подземелье, если очень захочется.

Весь день мне совершенно было не до странной эльфийки. Я бы еще о многом позабыл, если бы не мой секретарь.

Сумасшедший дом, а не жизнь... Зато завтра пристрою черноволосую пышечку. Я ее, правда, слегка обманул – будущий муж пока еще не король и даже не наследный принц, но потенциал у парня мне нравится. И мыслит он гораздо шире, чем его старший братец, так что встречусь лично, оценю, взвешу... Ну и, скорее всего, сделаем небольшую рокировку с помощью ребят Ила, без шума, но с намеком на мое благословение. И главным намеком будет то, что будущая королева – из моих «воспитанниц». Возможно, только этого окажется достаточно, чтобы король-отец сам изменил последовательность среди наследников, и нам даже вмешиваться не понадобится.

А перед ужином у меня внезапно образовалось свободное время, и я... совершенно неосознанно зачем-то пошел прогуляться в сад. Младшие братья радостно зашелестели, перебирая лапками и забрасывая в мою голову странные картинки непонятного поведения моей загадочной наложницы. Нет, черт побери, это уже совершенно... детство какое-то... Леди на персиковом дереве! Да в гарем фрукты мешками телепортируют! Зачем на дерево-то лезть?

Надо заметить, под дерево я успел очень вовремя...

Глава 12 (12 день)

Как я удачно... не убилась. Об властелина. Ловкий малый и сильный или просто натренированный падающих дев ловить. А еще мне показалось, что, прежде чем шмякнуться на невезучего правителя, я словно бы на секунду зависла в воздухе и дальше опускалась гораздо медленнее.

Но персик я уронила и тунику разорвала на плече, а потому оказалась у мужчины на руках в самом непотребном виде: сладкая, липкая, мокрая и интригующе полураздетая.

– Здравсьте... – ляпнула я от растерянности, разглядывая своего спасителя снизу вверх. Хи, а у него щетина... уже заметная, как у нормального живого мужика под вечер. Интересно, колючая? Нет, щупать не буду, на фиг, как говорит внучка.

– Последнее время в моем саду стало очень опасно прогуливаться. То об обнаженных девушек спотыкаешься, то они же прямо с деревьев на тебя падают, – осуждающим тоном отчитал меня властелин, но было件нятно, что он изо всех сил старается не улыбнуться. Ответить я не успела, потому как сей индивид вдруг приняохался, нахмурился, задрал голову, оценил расстояние... еще больше нахмурился.

– Вы решили, что умеете летать, леди? Или надеялись прилипнуть к стволу дерева намертво? – начал уже серьезно выговаривать мужчина, но при этом еще крепче прижал ме-

ня к своему бархатному жилету.

Вообще, повелитель в этот раз был наряжен как на бал, только без камзола – рубашка шелковая, жилет, галстук заколот булавкой с жемчужным навершием... штанов мне видно не было, да и вообще вдруг подумалось, что оценивать наряд ругающегося мужчины, который тебя тискает, не самое умное занятие.

– Спасибо, что поймали, повелитель! – Вежливость прежде всего. И поерзала, намекая, что уже можно и того... отпустить. – Нет, летать я не умею, а вот лазаю хорошо. Просто сглупила от жадности, надо было сначала слезть, а потом есть.

– Разве вас в гаремной столовой не угощают персиками? – осведомился спаситель, задумчиво оглядев мое липкое лицо.

Потом взгляд его опустился ниже, он хмыкнул, развернулся и потопал куда-то прямо сквозь заросли, даже не подумав отпустить меня.

Я и пискнуть не успела, не только ответить, что ТАКИХ персиков нигде нет. Спелых, прямо с дерева. А потому смирилась и решила расслабиться и посмотреть, куда он меня тащит.

Оказалось – к озеру. Ну, учитывая персиковый сок по всему телу – логично. И вроде не опасно. Хотя чувство опасности давно молчало, как приступнутое.

– Значит, такими не угощают? – Вот же мозготец на мою

голову...

Ну и чего мы стоим теперь на берегу, смотрим то на воду, то на меня, то на свой галстук, основательно заляпанный персиковым соком? Может, постирать ему?

Ох, и прищур у него стал хитрый... прямо как у Лешки на пляже, когда он подбирался ко мне, разомлевшей на солнышке, с полной резиновой шапочкой воды...

Точно. Угадала. Никто меня не отпустил, наоборот, ненормальный властелин зашагал в воду, как был, в одежде и с грузом. Зашел по пояс и ка-ак бултыхнет меня в озеро, да с размаху! А сам следом нырнул.

Это я поняла по плеску и по тому, что, когда я, отфыркиваясь, как кит, всплыла на поверхность, его властелинство тоже вынырнул метрах в трех.

Клянусь, не было у меня никакого умысла, чистый рефлекс. Взяла и окатила его целым веером сверкающих в закатном солнце капель – уж что-что, а брызгаться меня дети и муж ух как натренировали.

Повелитель не растерялся и ответил тем же. Короче, стирать его галстук мне не пришлось. Мы так бултыхались, бесились и брызгались, хохоча при этом в голос, что отстиралось наверняка все, вплоть до трусов и носков. Хулиганистый правитель еще и нырнул, чтобы под водой меня за ногу дернуть. Пришлось брыкаться.

В какой-то момент я поняла, что брызгается и ныряет он гораздо круче меня, и кинулась наутек. Ага, убежала одна

такая. Меня тут же настигли, сгребли в охапку и... поцеловали.

Жадно, страстно, властно... ничуть не сомневаясь в собственном праве продолжить прямо вот тут, не сходя с пляжа. Хотя чего ему сомневаться-то? И мне отбиваться вроде как некрасиво – приняла же я спокойно саму мысль о гареме и наложницах? Поздно строить из себя недотрогу. Назвался груздем... теперь не отлынивай, как говорится.

К тому же будем честными сами с собой. Целуется этот гад фантастически!

Слава богу, в воде меня никто не стал... проверять на гаремную профпригодность. Вытащил на берег, раздел, сам разделся, раскидывая наши тряпки вокруг. Я успела только мысленно охнуть, представив налипший на мои трусики песок, и тут заметила, что фрагменты гардероба не падают на землю, а висают в воздухе на разной высоте. Ух ты, вот она, магия!

Пока я любовалась волшебством и даже тянула лапки, чтобы подергать зависший поблизости повелительский галстук, мужик времени не терял. Меня снова сграбастали, недвусмысленно прижали к себе и поцеловали. Офигительно просто поцеловали, и вообще... непонятно мне, если тело у эльфиек такое чувствительное к ласке, какого черта они носом крутят и в обморок падают?

Но я сама, несмотря на весьма приятные ощущения, все время отвлекалась. Потому что четко слышала, как его тем-

нейшество что-то такое замысловатое скомандовал в направлении ближайших зарослей. И там уже довольно долго шебуршало. Прямо у меня за спиной. А этот маньяк обернуться и посмотреть не давал. Сначала я думала, что просто увлекся, потом поняла – специально отворачивает!

Ну, я выждала момент и оглянулась, любопытно же, страх как!

М-да... столько пауков сразу я в жизни не видела. Целая тысяча, наверное, суетилась на песке, металась, перебирала лапами и... плела паутину! Натуральное паутинное покрытие или даже почти матрас.

Я перестала выворачиваться и посмотрела на повелителя с уважением. Молоток парень, желание желанием, а об удобствах и гигиене не забыл. Эх, что-то я не очень уважительно начала думать о местном великом и ужасном государе всего мира. Без должного пиетета...

Мироправитель рассмеялся, похоже ничуть не обидевшись даже на «парня». И, подхватив меня на руки, тут же опустил на свежесотканную подстилку. После чего дал волю рукам, одной лаская мою грудь, а второй между ног...

Эльфийские леди – дуры набитые... Ведь возбуждение – очень приятное чувство. И... не то чтобы совсем позабытое, но настолько ярких ощущений у меня уже давно не было. А еще поцелуй, поцелуй, само собой, все такие же жадные и нетерпеливые.

Вообще, хотя мне все нравилось, было понятно, что пре-

людию мужик затеял так, для отмазки, и его гораздо больше интересует возможность побыстрее удовлетворить собственные желания. И желают сейчас не меня, а мое тело.

Не то чтобы я была против, но как-то обидно, что ли. Нет, не по поводу того, что я ему как человек не интересна. Глупости все это... Я его как... эм... человека?.. тоже не очень хорошо знаю. Просто эльфийская дева из меня никудышная... в смысле, лежать спокойно я и в прошлой жизни не умела.

Поймав момент, я вывернулась из-под властелина. Но не для того, чтобы убежать или отбиться, а для того, чтобы самой... скажем так, напасть. С улыбкой подтолкнула повелителя на матрас и устроилась сверху.

Похоже, кто-то всю дорогу жульничает – в том плане, что все мои мысли становились известны властелину чуть ли не раньше, чем мне самой. Потому как он спокойно лег на спину и даже подхватил меня под бедра, помогая устроиться удобнее. И разулыба-ался, свол... кхм.

Я подвигалась, всем телом ощутив под собой очень даже готового к подвигам мужчину. Ничего, зато теперь можно самой регулировать когда, куда и как. Правда, кто-то сразу начал хулиганить и тянуть руки. Но тянул приятно, по делу. Прошелся ладонями по груди, задевая соски и вызывая этими прикосновениями целую толпу сладких мурашек по всему телу, большими пальцами обеих рук погладил у меня между раздвинутых ног, заставив выгнуться и невнятно за-

стонать сквозь зубы. Ну, так я тоже умею.

Наклониться, поцеловать, погладить... поерзать, каждой клеточкой тела ощущая под собой его напрягшийся член.

Черт, это все вернувшаяся молодость виновата или просто эльфийское тело НАСТОЛЬКО чувствительное? Да я же его сейчас сама изнасилую самым зверским образом! Какая, на фиг, прелюдия?!

Когда я успела так раздухариться-то?

Не раздумывая больше, я чуть приподнялась и опустилась прямо на гордо вставший ствол. Медленно, изо всех сил сдерживая нетерпение.

Ну и все. В какой-то момент весь мой самоконтроль помахал ручкой и улетучился. Застеснялся, наверное, потому как трахались мы, прости господи, точно как два бешеных кролика...

А я виновата? Мне такой шикарный мужик впервые за обе жизни попался! Мало того, что двигался как-то очень удачно в такт, словно угадывая малейшие нюансы моих ощущений... хотя почему словно? Угадывая! Мало того, что тянулся и гладил, ласкал, даже легонько прикусывал кожу именно там и тогда, когда мне этого больше всего хотелось... да вообще, так бы и съела всего!

У меня мозги совсем выключились, на смену им пришли зверское желание и непревзойденная чувствительность. Может, я и не властелин, мыслей читать не умею, но, черт побери! Судя по тому, что стонали мы в унисон, я тоже не дура

была точно угадать, что именно ему нравится!

Затрудняюсь сказать, сколько раз мы того... больше двух – это точно. Сначала я сверху, потом я снизу, потом... угу, он сзади – классика «Камасутры», короче. Когда я слегка отдышалась и опомнилась, уже почти стемнело.

Властелин расслабленно лежал на паучьем матрасике, я прикорнула рядышком, положив голову ему на грудь. Потом приподнялась, легонько и благодарно чмокнула его в губы и пошла в озеро. Надо немного прийти в себя...

Плескалась я минут десять, а когда вышла из воды, о внезапной оргии на берегу уже ничто не напоминало. Повелитель сидел полностью одетый, матрасик исчез, и даже моя туника оказалась сухой и целой. Порванное плечо стянули тонюсенькой, но на диво прочной паутинкой.

Он молча протянул мне руку, и мы пошли... И опять в унисон нам обоим почему-то не хотелось разговаривать. Не знаю, как он мое, а я это его желание ощущала всем естеством и была полностью согласна.

Вот и развилка. Направо – это к западной стене, к домикам темных. Прямо – к арке в светлое отделение гарема.

– Вас проводить до светлой башни или до дома подружки? – первым нарушил мужчина наш заговор молчания. И я опять почувствовала, что он проводит, если я попрошу, но почему-то не горит желанием идти на светлую территорию. А к Ришшике сейчас не хотелось мне. Честно говоря, сейчас бы одной побыть. И поспа-ать!

– Не нужно. – Я сопровождала свои слова мягкой улыбкой. – Тут уже совсем близко. – И добавила, потянувшись с легким поцелуем: – Это было потрясающе. Спасибо.

Похоже, я опять сделала что-то неожиданное, потому что он удивился. Но так, мимолетно, а потом улыбнулся в ответ.

– И вам спасибо, леди! Вы правы, это было действительно потрясающе. – Властелин галантно поцеловал мне руку, развернулся и удалился куда-то в сторону Ришшикиного дома.

А я шла по тропинке и лениво размышляла. Оно, конечно, было действительно здорово. Но как всегда это и бывает, по прошествии времени вдруг включается мозг и начинает задавать всякие неудобные вопросы. Типа, о чем или, точнее, чем я думала? А если бы эльфийское тело было девственным? Вот тогда бы мне мало не показалось... Но я ведь даже не вспомнила о такой возможности! Забыла, понимаешь, баба, як дивкой була.

Интересно, а у моей предшественницы уже был опыт или, как писали наши фэнтезерши, у эльфов такой анатомической приبلуды нет вообще?

Ох... а беременность?! Вот же черт! Нет, ну дура старая, у тебя же климакс был в другом мире, а тут опять, блин, все радости материнства на своем месте! Властелин, чтоб он был здоров, если и предохранялся, то исключительно как-нибудь магически и изнутри. М-да... вот что молодые гормоны со старыми-то мозгами делают.

Утешало одно – за прошедшее время в гареме мне на гла-

за не попалась ни одна беременная наложница. Так что даст бог – пронесет. Нет, я ничего не имею против детей. Но не от малознакомого властелина. И вообще, желательно бы не от властелина, а от нормального мужика без императорских заморочек. Потому как потрясный секс – это одно, а семья и дети – малость другое. Тут у меня опыта более чем достаточно.

Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления. Может, наш верховный коллекционер, сняв с новенькой пробу, завтра же забудет, как меня зовут, и отдаст замуж за тролля. А если нет – ну спрошу в следующий раз, как тут принято предохраняться, язык не отвалится.

Я здесь пока на птичьих правах, ни дома, ни определенности. Не то чтобы меня оно сильно тяготило, но это пока детей нет. Так чтождемся тролля, а там уже будем о потомстве рассуждать.

За этими размышлениями я прошла уже половину пути до арки, когда чуткие эльфийские ушки уловили сзади приближающийся шорох, но обернуться не успела.

– Вам плохо? Грау? – Ох, я чуть не села на дорожку, когда из темноты соткался мальчик-паучок. Ррашшард. Какой-то слегка встрепанный и с застрявшими в роскошной вороной гриве сухими листьями. М-да, так и Кондратия в гости заполучить недолго.

– Ты чего подкрадываешься? – слабым голосом выдавила я, переводя дыхание. С перепугу забыв о всякой там вежли-

вости и перейдя на «ты».

Внезапное чудо сделало большие глаза:

– Простите? Обычно ушас... леди эльфийки слышат наше приближение. – Он подошел поближе и поставил к моим ногам корзинку, полную... тех самых персиков. У-ух! Как-то сразу вспомнилось, что из озера пить я не рискнула и теперь во рту пустыня Сахара. – Я не хотел пугать.

– Я тебя услышала, но все равно это было неожиданно. Ладно, забудь. – Я мысленно впилась зубами в пушистый бо-чок самого верхнего персика и едва не застонала от вожде-ления – со-о-ок! Но постаралась сглотнуть как можно неза-метнее и спросила:

– Ты чего тут гуляешь? Для О’Рении фруктов набрал?

– О’Рения? – Он издал какой-то непередаваемый паучий стрекот, за которым мне почудилась легкая виноватость. – Нет. Для водяной малину надо. А персиков ты хотела.

– О, так это мне? Спасибо! Только куда мне так много? – Я широко развела руками. Корзинка действительно была нема-ленькой. – Я же не унесу... давай пополам?

– Я донесу. Не проблема. – Паук, то есть мужик, сделал непрошибаемую физиономию.

– Да не в этом дело! – Смех и грех, а не арахнид. Я же чувствую, хотя сама не понимаю как, что его интерес ко мне – он... совершенно определенного рода, но при этом совсем, вот ни капли не агрессивный. – Просто как-то неудобно есть в одиночку.

Во время этого разговора мы медленно шли в сторону арки, и Ррашшард, как и обещал, нес свое персиковое подношение в руках. А еще я заметила, что у него по брюшку тоже разложены спелые плоды, которые держались как приклеенные и никуда не скатывались, так плавно он двигался. Но когда я сказала, что не хочу есть персики одна, парень оживился.

– Мне нельзя к тебе в покои, аррграу не разрешает, – выдал он с сожалением в голосе, а потом я просто кожей почувствовала, как паука озарило новой идеей, и он предложил: – Если хочешь со мной, можно в дальней беседке!

– Эм... – Здрасьте, приехали. Сегодня что, день сексуальных подвигов? Нет, это не ко мне!

– Знаешь, персики поесть можно и на ходу, хотя потом придется отмываться. Или ты имеешь в виду что-то другое? – И улыбнулась, отдавая должное забавной ситуации. Именно забавной.

Что там властелин говорил про ментального мага какого-то уровня? Не помню, зато точно знаю: паучок будет носить мне персики и провожать до арки, но, пока я сама недвусмысленно не приглашу его к сближению, он ничего большего себе не позволит. Может, у пауков так принято?

Ррашшард между тем как-то сник и зафонил на всю округу смиренным огорчением:

– Ты тоже хочешь в воде, да?

– Нет, я не хочу в воде, – сдавленно хрюкнула и споткну-

лась. – Я вообще не хочу. Спасибо за персики, конечно, но тут такое дело... Ты знаешь, что такое моральные принципы?

– Да, – немного подумав, подтвердил паучок. – Но арргросс с тобой уже был! – Мне подарили радостную улыбку. – Не волнуйся, теперь можно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.